Река убиенных

Автор:
Богдан Сушинский

Река убиенных

Богдан Иванович Сушинский

Хроники «Беркута» #1

Осень 1941 года. Приднестровский укрепрайон. Профессионал экстра-класса специального диверсионного полка вермахта «Бранденбург» Вилли Штубер вступает с комендантом дота «Беркут» Андреем Громовым в захватывающий, смертельный поединок, результат которого не может предсказать никто.

Роман «Река убиенных» открывает новый цикл «Беркут», действие которого разворачивается на всех театрах Второй мировой войны.

Богдан Сушинский

Река убиенных

Умирать нужно так же мужественно, как и жить.

Автор

1

Автоматная очередь и предсмертный крик мотоциклиста раздались почти одновременно и настолько неожиданно, что Громов не сразу понял, что, собственно, произошло. Только что они свернули с проселочной дороги, и сидящий за рулем ефрейтор, уже хорошо знавший дорогу к штабному доту, не сбавляя скорости, начал петлять, проскакивая от поляны к поляне, ловко лавируя при этом между каменными глыбами, пробивающимися сквозь чистый зеленый ковер, словно ростки далеких гор.

Места здесь были изумительные, а фронт, как ему сказали, – километров за тридцать от Днестра. И на какое-то время Громов позволил себе забыть о нем, о войне, о предупреждении офицера контрразведки, что на их направлении, к Днестру, во втором эшелоне подходит отборный полк «Бранденбург», специализирующийся на десантах в тыл противника, диверсиях, уничтожении штабов, а главное – на вскрытии обороны укрепрайонов.

Обо всем этом лейтенант Андрей Громов забыл лишь на несколько минут. Просто его вдруг опьяняюще поразила тишина светлого лиственного леса, очаровали величественные кроны деревьев, нетронутая, немыслимо зеленая чистота полян и библейская первородность ручья…

Он почему-то решил, что лично для него война начнется с того момента, когда примет командование дотом, а посему действительно позволил себе на какое-то время забыться. Вот только война тотчас же наказала его за эту беспечность… Впрочем, так оно по законам военного времени и должно было произойти.

…И все же он не мог не то чтобы понять, а смириться с тем, что ни водитель, ни он, ни сидевший на заднем сиденье сержант-связист так и не заметили каких-либо признаков засады, не ощутили опасности. Что ж это за слепота-беспечность такая, Господи?! Как же при таком отсутствии интуиции все мы собираемся воевать?

Съехав на склон оврага, мотоцикл налетел на валун, и по-настоящему Громов пришел в себя, только поняв, что машина переворачивается. А еще он помнил, что в последний момент сумел оттолкнуться ногами от коляски и, пытаясь проделать нечто напоминающее сальто-мортале, отпрыгнул назад, чтобы не оказаться под мотоциклом.

И хотя в этом немыслимом пируэте он и водитель перекувыркнулись друг через друга, все же мотоцикл не задел его колесами, а, пролетев мимо, застрял метрах в трех ниже по склону, между двумя валунами.

– Сержант, жив?! – сразу же окликнул Громов, хватаясь за автомат ефрейтора. Сорвавшись с плеча водителя, этот автомат саданул Андрея диском по голове, зато теперь оказался рядышком, на расстоянии вытянутой руки, за несколько метров от своего погибшего хозяина.

– Жив! – хрипло отозвался сержант откуда-то из-за изгиба оврага.

– Значит, держаться! – яростно прокричал Андрей, понимая, что от того, продержится ли сержант хотя бы несколько минут, будет зависеть и его жизнь. – Держаться, понял?!

– Да понял, понял… – без особого энтузиазма прохрипел сержант, словно лейтенант предлагал ему что-то не очень приемлемое. – Но только не держаться, а драпать сейчас надо.

– Лежать! Скосят.

В ту же минуту на гребне оврага появилось несколько фигур в зеленых маскхалатах. Андрей тотчас же прошелся по ним длинной очередью и откатился поближе к изгибу, за которым лежал сержант. В ответ тоже ударили двумя-тремя очередями, но короткими и тявкающе несмелыми.

«За офицера штаба меня приняли, – понял Громов. – А штабист им как раз и нужен. Живым, конечно». Если так все и есть, через минуту-другую десантники бросятся к нему, к мотоциклу, и тогда им с сержантом не продержаться. Знать бы, сколько их там? Впрочем, запасного диска у него все равно нет. А с пистолетом не повоюешь.

Прислушался: из-за поворота донеслось два выстрела – заработал карабин сержанта, сообразил Анд-рей. Уже легче. Хотя бы потому, что драп отменяется. А если бы удалось перебраться к нему, было бы совсем хорошо.

Стараясь не выдавать себя, Громов приготовился к броску, но в это время за дальним валуном вдруг мелькнула фигура десантника.

«Началось, подбираются!» – ударив короткой очередью по десантнику, лейтенант послал затем пару пуль по баку мотоцикла.

Десантник явно рвался к машине, надеясь найти там бумаги, а главное, поскорее очутиться за спиной русского офицера. Как назло, мотоцикл не загорелся, а тратить на него патроны Андрей больше не мог.

Высунувшись из-за камня, он попытался охватить взглядом и гребень оврага, и валун, за которым подозрительно притих немец, и перевернутый мотоцикл… Ситуация оставалась неясной: сколько здесь германцев-десантников, где остальные и почему медлят? Но, может, потому и медлят, что обстреляны и знают законы войны. Он, конечно, понимал, что боевое крещение придется принимать очень скоро, но не думал, что оно произойдет столь внезапно и при таком раскладе сил.

2

Взрыв по ту сторону изгиба, где лежал сержант, вновь заставил его припасть к земле. Затаив дыхание, Громов ждал, что рядом тоже вот-вот упадет граната, но вместо этого где-то за гребнем послышалась негромкая отрывистая команда на немецком, а затем вдруг откуда-то издалека долетели отзвуки длинной трещоточной очереди. Еще одной, еще!.. И теперь уже Громов по звуку определил, что это – ручной пулемет, «дегтярь».

Неужели свой?! Вот немцы ответили несколькими очередями из автоматов, однако выстрелы стали глуше, и лейтенант понял, что они отходят в глубь леса. Они отходят – вот в чем дело. А значит, сейчас им уже не до мотоциклистов.

Выбравшись из укрытия, он все еще опасался, что лежащий за мотоциклом десантник может ожить, поэтому через ребристый, словно хребет динозавра, изгиб переползал очень осторожно. Да, сержант был мертв. Граната разорвалась почти рядом с ним, и теперь на тело его страшно было смотреть. А

еще полчаса назад, садясь в мотоцикл, этот весельчак говорил ему: «Можешь считать, что тебе здорово повезло, лейтенант, – разница в звании его не смущала. – В лес этот трамвай ходит не часто, так что пользуйся случаем».

«Нужно было дать ему возможность драпануть, – мелькнуло в сознании Громова. – Парень словно чувствовал, что этот, первый, бой станет и последним его боем. Но если бы он отошел, эта граната нашла бы тебя, – осадил себя лейтенант. – И вообще, что значит «драпануть»?

Стараясь не останавливать взгляд на иссеченном, окровавленном лице сержанта, Громов быстро извлек его документы и подобрал валявшийся рядом, возле камня, планшет. Очевидно, в последние минуты жизни сержант пытался спрятать его, но не успел. А в планшете, наверняка, пакет – не зря же ефрейтор был вооружен автоматом. То, что они взяли себе в попутчики незнакомого лейтенанта, – конечно же было явным нарушением инструкции. Кроме всего прочего, война должна была научить их еще и осторожности. Да только не успела.

Перебежками приблизившись к валуну, за которым лежал десантник, Громов убедился, что тот тоже мертв. Пуля попала в шею, и он просто-напросто истек кровью.

– Эй, военный, – заставил его содрогнуться чей-то звонкий, почти мальчишеский голос, доносившийся словно бы из поднебесья, – живой?!

– Живой, как видишь!

Там, наверху, широко расставив ноги, стоял боец с пулеметом в руках. Отсюда, снизу, он был похож на невнушительную, совершенно нелепую статую бездарного скульптора.

– А ведь бывает же!.. Не зря, значит, старались.

– Где сейчас фашисты?

– Как где? К горе их прижали. Палят они, конечно, как на стрельбище. Но долго им не продержаться. Да и осталось-то их трое-четверо, не больше.

– Божественно, – полутомно повел подбородком лейтенант. – Будем считать, что фронтовое крещение удалось.

– А это кто? – поинтересовался пулеметчик, спускаясь склоном оврага к Громову и, только теперь поняв, что имеет дело с командиром, добавил: —…товарищ лейтенант?

– Один из них, в тыл к нам засланный.

Громов расстегнул окровавленный маскхалат, но, к своему удивлению, вместо мундира увидел ношенный, до бесцветности выцветший крестьянский пиджак и застиранную, расстегнутую на груди рубашку.

– Во, гад! – изумился пулеметчик, склонившись над убитым. – Отбросил бы он этот балахон и автомат – никогда и не подумал бы…

– На это и расчет.

– Еще и по-русски, наверное, «шпрехал», как считаешь?

– У них это предусмотрено. В случае неудачи – раствориться среди гражданского населения, засесть, притаиться где-нибудь на чердаке сельского дома…

Как и следовало ожидать, документов у десантника не оказалось. Его настоящие не должны были попасть к русским, а советские он обязан был раздобыть себе здесь, в тылу.

Перевернув немца, Громов выхватил у него из-за поясного ремня пистолет, достал и положил в карман две запасные обоймы, прихватил автомат.

– Оружие и документы мотоциклиста, – коротко приказал пулеметчику, и, пока тот, отложив пулемет, выполнял приказ, изъял у фашиста и бросил себе в вещмешок два автоматных рожка с патронами.

Через несколько дней, когда он наверняка сам окажется в окружении, в тылу у фашистов, этот автомат еще может сослужить ему службу. Да и нужно было познакомить бойцов с оружием врага.

Последним был нож. Повертев его в руке, Андрей сунул себе за голенище: когда-нибудь он тоже пригодится.

– Изъято, товарищ лейтенант.

– Божественно.

– Вас, я вижу, тянет к оружию.

– Может оказаться, что вскоре будем считать каждый патрон. Ну да ладно, бери свою пушку, – устало проговорил Громов, принимая у пулеметчика бумажник ефрейтора. – Кстати, очень надежный механизм, – добавил он, подумав о том, что не мешало бы иметь парочку «дегтярей» в каждом из дотов. – Береги его.

Уже уходя, он в последний раз пристально взглянул в искаженное гримасой лицо десантника, но не потому, что хотелось запомнить его. Скорее, это получилось у него как-то непроизвольно, тем не менее он ощутил, что в душе его шевельнулось нечто похожее на жалость к человеку, чей жизненный путь прерван был столь неожиданно и мгновенно; и кто знает, сколько еще лежать ему здесь, в этом мрачном сыром овраге забытым и непогребенным.

К тому же это был первый увиденный и первый убитый им враг. Что ни говори, а свой смертный счет на этой войне он уже открыл. Теперь и помирать не так страшно, не так бессмысленно будет.

«А ведь где-нибудь и меня вот так же… загонят в вечность небытия… – с грустью подумалось лейтенанту. – Оставят лежать непогребенным».

Увешанные оружием, они быстро выбрались из оврага. На вершине Громов облегченно вздохнул и осмотрелся: вон они, кусты, из-за которых прогремела та роковая автоматная очередь, отсеченная ветка, следы мотоциклетных колес… Что ни говори, а овраг стал их спасением. Организовывая засаду, фашисты явно не учли этого. Впрочем, они очень многое не учли, нападая на такую огромную страну. Огромную и сплоченную. И очень скоро они это поймут.

А в то же время мог ли он, комендант дота, предположить, что боевое крещение свое придется принимать не на передовой, не за бетонными стенами дота, а

здесь, в ангельской тиши тылового леса? Но это случилось. И сейчас Громов лихорадочно анализировал ситуацию, действия противника и свои собственные. Урок и опыт, которые он мог извлечь из этого нападения, должны были стать продолжением его командирской подготовки – суровой и отчаянно жестокой военной практикой.

– Не знаешь, до ближайшего дота далеко? – спросил он пулеметчика, обходя неестественно изогнутое тело другого убитого фашиста, возможно, как раз им, этим парнем, скошенного.

– Километр, не больше.

– Всего лишь?

– Я говорю о ближайшем. А их много, и уходят они вправо и влево, вдоль реки, на многие километры. А ведь вам нужен какой-то один.

– Естественно.

– Не спрашиваю, какой. Понимаю, что военная тайна.

– Значит, все ты верно понимаешь…

– Примете командование дотом?

– Если успею, – пожал плечами Громов. – При таком-то развитии событий.

– Так, может, к вам в дот податься?!

– Для этого нужен приказ высшего командира.

– Неужели людей специально отбирали?! – не поверил пулеметчик.

– Меня и самого это удивляет.

– Ну, мне пора. – Красноармеец быстро объяснил ему, как выйти к доту, и поспешил к скале, где все еще отстреливались окруженные десантники. – Только немцам больше не попадайтесь! – крикнул уже издали. – Во второй раз могу не успеть! А так… может, еще свидимся!

«В километре от штаба батальона, в самом центре укрепрайона, рыщут вражеские десантники! – с горечью подумал Андрей, прислушиваясь к густой, все нарастающей орудийной пальбе, раздававшейся уже по ту сторону Днестра. – Неужели положение настолько серьезное? И только ли на этом участке?»

3

Едва бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг успел войти в свой кабинет, как ожил телефон и, подняв трубку, шеф Шестого отделения «Рейхзихерхайтсхауптамта», то есть Главного управления имперской безопасности, с удивлением услышал в трубке вкрадчиво-назидательный голос адмирала Канариса.

– Знаю, что вы только что вернулись, бригадефюрер, и, как всегда, слегка утомлены, но полагаю, что нам следует встретиться.

– День действительно выдался… – начал было Шелленберг, однако главный абверовец рейха мягко прервал его:

– А ведь впереди много-много дней пострашнее. – И тут же вернулся к теме, с которой начал разговор: – Встретиться предлагаю в десять ноль-ноль, в ресторане у Горхера.

Шелленберг не любил, когда кто-либо пытался «извлекать» его из кабинета, особенно в первой половине дня. Это было «его» время. Он любил приезжать пораньше, когда коридоры огромного здания, в котором размещались подразделения Главного управления имперской безопасности, еще пустынны; пока они не были пропитаны растленным духом приказов, команд, чинопочитания и… страха, вечного страха по завтрашнему дню, по карьере, по

стремлению угодить, не попасться под горячую руку, произвести впечатление, не «проколоться» перед внутренней службой безопасности СС. Да, он это не любил. Но звонил шеф «Абвера», и завтрак был назначен на субботу, которую Шелленберг конечно же решил посвятить службе. Тем не менее у адмирала было оправдание…

– Приглашен еще кто-либо? – поинтересовался бригадефюрер, уловив, что Канарис слишком задержался у телефонного аппарата.

Обер-абверовец покряхтел, как он делал всегда, когда желал бы не касаться темы, в которую его втягивают, или называть имя, которое он не хотел бы в данный момент произносить.

– Это всего лишь дружеский завтрак в одном из наиболее респектабельных ресторанов Берлина, – бойко, почти игриво произнес он, давая понять всякому, кто решился бы прослушивать их разговор, что речь идет всего лишь о дружеском мужском застолье, – и разделить его с нами дали согласие господа Гейдрих и Мюллер.

– Вполне приличная компания, – неуверенно произнес Шелленберг, не в состоянии скрыть удивления по поводу имен господ, пожелавших позавтракать за счет адмирала. Тем более что один из них, Генрих Мюллер, был шефом гестапо, которое тоже, пусть и номинально, подчинялось Главному управлению имперской безопасности (РСХА); а другой господин был непосредственным руководителем РСХА. Человеком, которого побаивался даже Мюллер, которого в этой империи опасались все остальные, кроме разве что Гитлера и рейхсфюрера СС Гиммлера. Которые, впрочем, тоже не сомневались, что тайные «дела» Гейдрих и «гестаповский Мюллер» завели и на них, безгрешных и неподсудных.

– Итак, завтра, в десять ноль-ноль, – завершил тем временем адмирал и, не давая Шелленбергу опомниться, бросил трубку на рычаг.

Несколько мгновений Шелленберг все еще смотрел на аппарат, словно опасался, что он вновь оживет, затем открыл свой блокнот, чтобы увековечить это приглашение краткой записью, но тотчас же отложил перо. Зачем записывать в служебный «ежедневник» частное приглашение? И потом, может ли он позволить себе забыть о нем? Особенно если там будет Гейдрих, который со дня

на день должен был решить вопрос о его назначении на должность начальника только что реорганизованного Шестого управления[1 - Формально исполняющим обязанности начальника Шес-того управления Шелленберг был назначен уже на следующий день – 22 июня 1941 года.], теперь уже более-менее подготовленного к германо-русской кампании.

Предупредив своего помощника, чтобы тот ни с кем, кроме высшего руководства, не связывал его, Шелленберг удобно устроился в глубоком кресле так, что голова оказалась где-то посредине спинки – его любимая «поза глубинного познания», и, закрыв глаза, погрузился в раздумья.

Канарис в принципе, по сути своей, не принадлежал к людям, склонным проводить время в кругу друзей, за кружкой пива. Тем более что ни Гейдрих и Мюллер, не говоря уже о нем, «молодом выскочке» Шелленберге, к кругу таковых друзей главного абверовца Рейха не принадлежали. Значит, тема встречи может быть только одна – предстоящая война с русскими. Длительная, кровопролитная и крайне опасная для рейха война. То, самое секретное, чем жило сейчас высшее руководство Рейха. Никто, кроме самого фюрера, да, возможно, еще начальника генштаба вермахта, понятия не имел, когда именно начнется эта «русская кампания», как все еще деликатно именовал ее Гитлер; но что начнется она уже этим летом, причем со дня на день, в этом никто не сомневался. То есть, Канарис собирал их явно не для того, чтобы раскрыть величайшую тайну Третьего Рейха. Тогда для чего же?

Шелленберг пытался понять мотивы, заставившие адмирала собрать субботним утром эту «тайную вечерю». Что он намерен предпринять, чего добиться? Узаконить свое главенство среди лидеров спецслужб? Согласовать план действия во время «русской кампании»? Убедить коллег, что Гитлер совершает роковую ошибку, и они, руководители спецслужб, обязаны разубедить его в успешном исходе, а то и составить оппозицию фюреру?

«О нет, только не оппозицию!» – почти вслух простонал Шелленберг, прекрасно понимая, что, какую бы позицию он ни занял во время сколачивания подобной оппозиции, как бы ни противостоял абверовскому вольномыслию адмирала, от преследований и мести фюрера и его окружения это уже не спасет. Наоборот, именно его, Шелленберга, вольномыслие будет воспринято в окружении фюрера с особой остротой. Поскольку именно он оказался среди наиболее доверенных лиц, готовивших рейх и мир к «походу на Москву». Именно ему была доверена подготовка наиболее важного пропагандистского документа, которому отведена

роль идеологического обеспечения плана «Барбаросса».

Буквально на днях в его кабинете прозвенела точно такая же телефонная трель и он услышал сухой, резковатый и слегка гортанный голос Гейдриха:

– Вам, Шелленберг, придется подготовить основательный доклад о контрразведывательной работе против русских, – произнес он без всякого вступления, на одинаково ровной, суховато-грозной ноте.

– У меня он, по существу, есть, господин группенфюрер.

– Речь идет не о тех канцелярских заготовках, которые пылятся в вашем шкафу, бригадефюрер, и которые, очевидно, достались вам еще от предшественника. Нужно показать, каким образом вы собираетесь резко усилить контрразведывательную работу, учитывая при этом особую активность русских, продиктованную военными действиями против них.

– Понимаю, господин группенфюрер, такой доклад будет подготовлен.

– При этом докладывать вам придется лично.

– Ф-фю-реру? – перехватило у Шелленберга дыхание.

– Рейхсфюреру, – невозмутимо уточнил Гейдрих, всегда отличавшийся безразличием к столпам рейха и демонстрировавший пренебрежение к высоким особам и высоким титулам. Тем не менее он словно бы упрекнул своего подчиненного, не сумевшего осознать, что докладывать-то ему придется кому-то более значимому, нежели сам фюрер. – Рейхсфюреру Гиммлеру. Лично.

– Когда это произойдет?

– У вас двое суток, Шелленберг. Всего двое суток. И вы должны привыкать к тому, что далеко не для каждого доклада вам столь немыслимо щедро будут отводить такую массу времени.

– Что само собой разумеется, господин группенфюрер.

Хорошо, что Шелленберг не стал полагаться на прогноз Гейдриха и сумел подготовить доклад уже в течение следующих суток. Поскольку на второй день ему уже выпало предстать перед Гиммлером вместе с докладом и… Гейдрихом. И единственное, что утешало Шелленберга, так это то, что, стоя перед Гиммлером, Гейдрих волновался не меньше, нежели группенфюрер.

– Садитесь, друзья, – по очереди расстрелял их обоих рейхсфюрер СС свинцовыми вспышками своих маленьких, круглых, похожих на дула старинных пистолетов очковых стекол. – Нам есть о чем серьезно поговорить, дабы все для себя выяснить и уяснить.

4

Впереди, за жиденькой березняковой рощицей, открывался пологий склон огромной лесной долины, с усадьбой и какими-то отдельно стоящими хозяйственными постройками меж двумя почерневшими стогами сена. Однако оберштурмфюрер СС[2 - Оберштурмфюрер СС – чин, приравненный к армейскому (вермахтовскому) обер-лейтенанту.]Штубер понял, что идиллический хуторок на безлесье может стать для него гибельной ловушкой, поэтому снова нырнул в ольховник и, опасливо озираясь, начал уходить по кромке его вправо, постепенно оттягиваясь назад, чтобы пропустить погоню мимо себя и оказаться за спиной хотя бы первой волны русских. Вот именно, просочиться сквозь цепь преследователей, залечь, пересидеть, отдышаться… Хотя бы несколько минут для того, чтобы отдышаться… – вот все, чего он хотел сейчас от этого жаркого июльского дня, от удачи, от самой своей судьбы.

Тем временем бой у скалы постепенно затихал. Чувствовалось, что прижатые к ней диверсанты отстреливались последними патронами. Но Штубер молил Бога, чтобы агония эта продлилась еще хотя бы полчаса. До тех пор, пока окруженные у каменных выступов десантники из полка «Бранденбург» держатся, основная масса брошенных на подавление десанта русских будет прикована к ним. Освободившись, они сразу же начнут прочесывать окрестности укрепрайона и ближайшие села.

Еще какое-то время Штубер уходил по кромке ольховника, но как только почувствовал, что упорно пробивавшиеся через заросли русские окончательно

потеряли его след, в отчаянном прыжке дотянулся до склона небольшого оврага, скатился по прелой перине прошлогодних листьев, дополз до ствола иссеченного осколками дуба и замер за ним. Позиция оказалась крайне неудачной – это он определил сразу же. Отсюда он не мог видеть ни опушки рощи, ни подходов к оврагу, а каждый возникший на склоне преследователь прошил бы его первой же очередью.

И все же, понимая это, Штубер не двинулся с места. Казалось, у него уже не было сил не то что выбираться из оврага, но даже пошевелиться. Несколько минут он так и лежал, прижавшись щекой ко все еще горячему стволу шмайсера, в рожке которого уже не осталось ни одного патрона, и полузабвенно закрыв глаза.

Оберштурмфюрер слышал, как, постреливая на ходу из винтовок, русские входили в рощу. Слышал их ругань, доносившуюся уже со склона долины, на которой они, взяв в осаду стога и постройки, приказывали сдаться укрывшимся там воображаемым парашютистам.

Но лишь когда шум преследования начал долетать издалека, уже, очевидно, из опушки леса по ту сторону долины, оберштурмфюрер наконец со всей ясностью осознал, что спасен. На какое-то время – спасен. И что времени этого у него осталось ровно столько, сколько понадобится одной части русских, чтобы расправиться с последними десантниками у скалы, а другой – чтобы вернуться из долины. Однако Штубер старался не думать об этом. Он блаженствовал. Будь его воля, здесь, на этой перине из травы и хвои, заночевал бы. Возможно, это была бы самая эдемская ночь из когда-либо проведенных им.

Затихли голоса. Совершенно неожиданно, как внезапно прерванная жизнь, умолк, отстучав последними выстрелами, охрипший пулемет. Однако спасительную лесную тишину, которая вот-вот должна была подступить к этому небольшому лесному урочищу, уже вспахивали явственно слышимые шаги, ревматическое потрескивание веток, приглушенные, еле выговариваемые сдавленными одышкой глотками проклятия.

Осторожно, стараясь не шелестеть листвой, Штубер подполз к кромке оврага, прижался плечом к стволу какого-то дерева и достал из-за поясного ремня небольшой швейцарский пистолетик, который у них, в диверсионной школе, называли «последней надеждой диверсанта».

Люди приближались со стороны укрепрайона и должны были пройти рядом с его укрытием. Однако непохоже, чтобы это был кто-то из его преследователей. Так натужно материться могут лишь в предчувствии схватки.

Первым из чащобы вырвался человек, обвешанный лохмотьями маскхалата. Штубер не успел присмотреться к его лицу, не узнал, кто это, тем более что знаком он был далеко не со всеми диверсантами, однако сразу же признал в нем своего, и, вполголоса скомандовав по-немецки: «Ложись!», тут же перехватил пистолетик в левую руку и выхватил нож.

Залегать бранденбуржец вроде бы и не собирался, но, услышав окрик на немецком, глянул в сторону Штубера, споткнулся то ли о полегшую ветку, то ли об оголенный корень и, пробравшись еще несколько метров на четвереньках, уткнулся головой в едва выступающий из листвы пень.

«А ведь автомата у него нет! – успел заметить Штубер. – Неужели выбросил, как только кончились патроны? Так не воюют».

Еще через несколько мгновений в приовражной низинке появился и преследователь. Поначалу Штуберу показалось, что русский бежит прямо на него, но был он еще достаточно далеко, а пистолетику своему оберштурмфюрер в таких ситуациях не доверял.

Штубера русский, очевидно, не заметил только потому, что хищным взглядом охотника намертво был прикован к упавшему у пня десантнику.

Он бежал, тяжело хлопая сапогами, еще издали разя Штубера окопным потом, и при этом так налегал грудью на диск прижатого к гимнастерке ручного пулемета, словно пытался поддерживать себя этой нелегкой ношей.

Был ли у него в диске еще хотя бы один патрон? Возможно, и был. Но он берег его, поскольку другого диска Бог ему не послал. Автомата у него за спиной тоже не видно.

А десантник – вот он. Уже немолодой, с подсеребренными волосами, привалился к пню и дышит так, словно вот-вот вместе с кровью начнет выплевывать куски растерзанных легких. Достигнув его, русский опустил пулемет, перехватил обеими руками ствол так, чтобы можно было, в случае надобности, с ходу

ударить им бранденбуржца, но в тот самый момент, когда, оказавшись в двух шагах от него, преследователь – невысокого роста, с тонкими раскоряченными ногами, на которых он бежал так, словно только что вырвался из больничной палаты для ревматиков, – начал медленно поднимать свою стальную дубину, Штубер резко привстал и нажал на спусковой крючок.

Выстрел прозвучал не громче хлопка детских ладошек, поэтому, не поверив ему, оберштурмфюрер выстрелил еще раз, прямо между лопаток, и тотчас же выхватил из-за голенища нож.

Увидев, что, привалившись к стволу сосны, красноармеец медленно оседает, Штубер хотел было послать в него еще один патрон из своего «швейцарца», но в последнее мгновение передумал и резко, от бедра, метнул в него нож. Когда еще представился бы случай освятить его, по германскому обычаю, кровью врага?

– А, это вы, оберштурмфюрер… – каким-то совершенно угасшим, безразличным голосом признал его обессилевший десантник, как только Штубер добил русского ударом ножа.

– Самому с трудом верится. Но ведь поди ж ты…

Штубер успел заметить, что, глядя на надвигавшегося на него русского, этот «бранденбуржец» даже ничего не пытался предпринять, что могло бы спасти его. Очевидно, он был из тех, кто ставит на себе крест значительно раньше, чем это сделает противник.

– Спасли. Должник я ваш, так вроде бы получается…

– Можете не сомневаться, на всю жизнь – должник, – выдернул окровавленный нож из подреберья солдата Штубер. И кровь вытирать не спешил. Вид ее пьянил, как кровь на мече рыцаря.

– Честь имею. Напоминаю: лейтенант вермахта, он же бывший поручик Белой гвардии Розданов. Грибные места здесь, не правда ли, оберштурмфюрер?

– Возможно, в свое время мы действительно знакомились… – устало опустился по другую сторону огромного полуистлевшего пня Штубер.

– Так точно.

– Только я вас что-то не припоминаю.

– Не мудрено. С некоторых пор меня мало кто запоминает. И я вспоминаю – тоже неохотно.

– Война – времена изгоев. Так где и при каких обстоятельствах?

– Отложим воспоминания для более благостных времен. Вы что, тоже из русских?

– Из саксонцев, с вашего позволения. Странно, только сейчас уловил, что говорю с вами не на немецком.

Пулеметчик вдруг ожил и прополз с полметра в сторону десантников, словно все еще намеревался сразиться с ними. Упокоился же он, только привалившись на свой «дегтярь» и уткнувшись теменем прямо в подошву сапога Розданова.

Одна из пуль, очевидно, легко ранила русского в голову, и теперь кровь густо окрашивала его короткие пшеничные волосы. Но, похоже, ни отодвинуть его, ни отстраниться самому сил у Розданова уже не было.

– Саксонец, говорите? С таким истинно русским лапотно-рязанским говором?

– Наконец-то я хоть чем-то сумел удивить вас, поручик, – прокряхтел Штубер, поднимаясь. Пробежка по зарослям под дулами русских трехлинеек все еще давала знать о себе. – Благодарите Бога, что на вас остались эти лохмотья. Иначе первым пришлось бы уложить вас, а не этого волонтера.

– Окажите любезность, оберштурмфюрер, уложите. В этом больше чести, нежели бегать по лесам, спасаясь от местных провинциальных мерзавцев.

– «Провинциальных мерзавцев»?.. – хмыкнул Штубер. Определение явно импонировало ему.

– Вот именно.

– Этот неистребимый снобизм белогвардейских офицеров!.. – с ироническим пафосом процедил оберштурмфюрер. – Представляю себе, каково вам было с ним там, в России, в завшивленных траншеях офицерских батальонов.

– А мы в траншеях бывали очень редко, оберштурмфюрер. Отборный батальон дроздовцев. В основном нас бросали на прорыв. Тех, кто уцелел, отводили потом на постой. Окапывались же полевые части Добрармии.

– Понятно, элита.

– Зато на прорыв шли под барабанный бой. Со знаменами. Ничего не скажешь, красиво шли…

– Это немало значит: красиво идти на смерть, – заметил Штубер, прижавшись грудью к сосне и внимательно осматривая окрестности. Никого. Неужели русский преследовал Розданова в одиночку? Лихой парень.

Словно услышав его, русский вновь дернулся и то ли застонал, то ли прохрипел. Пораженный его живучестью, Штубер опять метнул в него нож.

– …И вот, дошли, – запоздало отреагировал на его слова белогвардеец. – Возвращаемся на свою землю в обозе германцев. Я вас не обидел, оберштурмфюрер?

Штубер молча сбросил маскхалат и, оставшись в форме красноармейского лейтенанта, вновь выдернул из убитого нож. Уже держа его в руке, словно хотел броситься на Розданова, эсэсовец прислушался к тому, что происходило в долине. Несколько выстрелов прозвучали совсем близко. Однако вряд ли там мог находиться кто-либо из «бранденбуржцев». Очевидно, преследователи яростно «расстреливали» подозрительные заросли.

– Встать, поручик, встать! – оберштурмфюрер вытер пучком травы нож и сунул его за голенище сапога.

– Нет сил.

– Я сказал: встать! Сбрасывайте свои салонные лохмотья. Что там у вас под ними?

– Цивильное.

– Тогда примеряйте это, с убитого.

– Хватит того, что эти провинциальные мерзавцы заставили меня одеться в цивильное. Но снимать с трупа…

– Прекратить болтовню, – осек его Штубер, переходя на немецкий. К пулевым и ножевым отверстиям на гимнастерке он подносил зажигалку, и через несколько мгновений на месте их образовывались небольшие прожоги. – Вот так, дезинфекция и гигиена, – явно остался доволен своей смекалкой. – Быстро снять, переодеться. Следовать за мной. Заплату наложите, когда окажемся в безопасности.

Оберштурмфюрер выдернул из-под убитого пулемет, проверил. Странно: в диске все еще оставалось несколько патронов. На короткую очередь вполне хватило бы. Очевидно пулеметчика погубило тщеславие: захотелось во что бы то ни стало привести пленного.

– Как же он преследовал меня, провинциальный мерзавец! – тяжело поднимался Розданов. – Он ведь загнал меня, как гусарского жеребца.

– Быстрее, лейтенант, быстрее. Иначе придется пристрелить и вас. Не оставлять же такую «находку вермахта» врагу, – нервно торопил его Штубер, наблюдая, как тот медленно, брезгливо стаскивает с убитого обмундирование.

Он конечно же бросил бы Розданова, будь этот человек немцем. Но Бог послал ему в спутники русского! С чистым, петербургским, насколько он понимает, произношением. Это-то и поможет, когда придется предстать перед советскими

офицерами.

5

Сняв гимнастерку, Розданов не спешил облачаться в нее, а обвязал рукавами вокруг себя и в таком виде подхватил вместе со Штубером тело пулеметчика. Замаскировав его листьями и ветками в соседней лощине, они еле успели спастись от цепи возвращающихся в лес красноармейцев, решивших еще раз прочесать этот участок леса до границ укрепрайона. Они замерли в небольшой ложбинке, прикрытой ветками молодой ели, в трех шагах от того места, где прошел русский офицер, и не заметил он диверсантов только потому, что на несколько мгновений отвлекся, подгоняя отставших солдат. «В цепь, в цепь! – рявкал он. – Не терять друг друга из виду!»

– Они ведь еще и службы не знают, провинциальные мерзавцы, – на ухо Штуберу проворчал поручик, как только спина красного командира скрылась в кустарнике.

– Так пойдите подмуштруйте их, – язвительно посоветовал Штубер. – Вам за это воздастся.

– Но ведь действительно обмельчали. Ни дисциплины, ни толковых офицеров.

– Самых толковых они перестреляли в Гражданскую, – не отказал себе в удовольствии Штубер. Все равно следовало несколько минут вылежать: вдруг позади вторая цепь или контрольный арьергардный дозор. – Уцелевшие же спасаются в эмиграции, пытаясь поучать: кто англичан, а кто германцев.

Розданов хотел что-то ответить, но Штубер захватил его за загривок и ткнул лицом в листву.

– Не дышать, – едва слышно приказал бывшему белогвардейцу. Расчет оказался верным: русские действительно пустили вслед за цепью арьергардные дозоры, которые должны были перехватывать прорвавшихся сквозь цепь. Один из таких дозоров, в составе троих бойцов, прошел метрах в десяти от них, полукругом

охватывая поросшую кустарником лощину.

Розданову хотелось поскорее добраться до реки и попытаться переправиться на правый берег. Он понимал, что Штубера, как немца, могут взять в плен и поместить в лагерь. Его же, русского и бывшего белогвардейца, пленным офицером армии противника считать не будут, а повесят, как предателя. В лучшем случае, расстреляют. И конечно же не перед строем.

Именно боязнь оказаться в руках своих соотечественников и гнала его к Днестру. Он и сейчас продолжил бы путь к реке, хотя здравый смысл подсказывал ему: спасение только в более глубоком тылу русских. Подальше от укрепрайона, от места высадки, от скоп-ления войск.

– Вы что, решили пригнать меня к Москве раньше дивизии СС «Дас рейх»? – вспыхнул Розданов, когда Штубер буквально под дулом пистолетика заставил его свернуть с кромки леса на поросший мелким ольховником склон долины.

– Понимаю, для вас предпочтительнее Санкт-Петербург.

– Хватит того, что ваши провинциальные мерзавцы забросили меня на левый берег Днестра раньше всех авангардных войск.

– Слишком многословны, поручик, – Штубер решил обращаться к нему так, употребляя более высокий чин Розданова, к тому же полученный еще в Белой гвардии. – Идти будете туда, куда прикажу. А что касается азов диверсантской науки, то преподам их вам чуть позже.

– Мне-то казалось, что я их уже получил.

В ответ Штубер снисходительно оскалился: «Русско-офицерская самонадеянность. И спесь. Развернутым строем, под знаменами, плечо в плечо и под барабанную дробь. Психическая атака, видите ли… При такой-то плотности огня! Довоевались!»

Просмотр белогвардейской кинохроники и советских «революционных» фильмов был когда-то одним из элементов подготовки в разведшколе. Поэтому Штубер знал, с кем имеет дело.

Но и Розданов тоже понимал, кого судьба послала ему в попутчики. И даже предполагал, что эсэсовской элите еще только надлежит сформироваться и что со временем не только Германия, но и вся Европа может получить вышколенную, огнем и словом закаленную военно-политическую касту.

Улыбка этого рослого, смуглолицего, совершенно не похожего на немца верзилы – впечатляла. Как и его внешность. А еще поручику бросилось в глаза, что ведет себя оберштурмфюрер как-то слишком уж уверенно, словно оказывался в этих краях и в подобной ситуации по крайней мере раз десять; при этом – никакого красования; и эта манера говорить – холодно, властно и с чувством нескрываемого превосходства…

– Вас готовили в диверсионной школе? – негромко поинтересовался оберштурмфюрер, когда, спустившись в долину, они перебрели через каменистую речушку и короткими перебежками начали приближаться к чернеющему на опушке леса сараю с сеновалом. Новое, добротное строение это стояло метрах в пятидесяти от дома, на возвышенности, и вместе с ним составляло чуть отколовшийся от деревни хуторок. Более удобного места для того, чтобы передохнуть и привести себя в порядок, даже трудно было себе представить.

– Будем считать, что в школе. На самом деле – нечто вроде ускоренных курсов: прыжки с парашютом, рукопашный бой, диверсии на дорогах… Добровольцем в вермахт я попросился только в марте сорок первого. Когда понял, что от похода на Россию вашему фюреру не удержаться.

– Так вы еще и доброволец! Тогда в чем дело, поручик? Я не должен слышать никаких роптаний.

Подбежав к сараю, Штубер ударом сапога толкнул дверь и, пригнувшись, нырнул внутрь. Никого. Прикладом пулемета и каблуками сапог оторвал в нижней части две доски задней стенки, чтобы обеспечить себе отход к лесу, и настороженно осмотрел опушку.

– В вашем распоряжении, поручик, полчаса. Отдышаться, залатать гимнастерку, вырезав лоскут из нижней ее части, а главное, застирать кровь на воротнике.

* * *

Штубер еще раз осмотрел пулемет, повозился с ним, чтобы лучше освоиться с русским оружием, проверил пистолет. Из вещмешка, который ему перед заброской выдали вместо привычного немецкого ранца, он достал кобуру с русским пистолетом и пристроил ее к ремню. Оттуда же он извлек красноармейскую офицерскую фуражку.

– Так с какой это стати вы решили стать добровольцем доблестного вермахта? – поинтересовался он, надев фуражку и полюбовавшись на себя в маленькое дамское зеркальце. – Неужели столь сильно прониклись духом национал-социализма?

При слове «социализма» Розданова буквально передернуло.

– Какого еще социализма? – презрительно процедил он, стаскивая с себя гимнастерку.

– Национал, поручик, национал… батенька. Но социализма. По Марксу – Ленину определяемся, – осклабился оберштурмфюрер СС. Так что с большевичками вашими нам больше по пути, нежели с вами, отрыжкой капитализма.

Розданов понимал, что германец откровенно издевается над ним, но сейчас не время для ораторских диспутов.

– Я уже объяснил: немецкая армия меня интересует постольку, поскольку она совершает поход на Россию.

– Это не поход, поручик. Это война. После которой от той, прежней вашей России останутся лишь смутные воспоминания.

– От этой, прежней нашей России, оберштурмфюрер, уже давно остались только воспоминания. Поэтому я и пришел в ваше воинство, что хочу возродить ту, нашу, Россию.

Штубер снисходительно ухмыльнулся.

– Это вы, Розданов, о той, «единой и неделимой», которой все наши эмигранты буквально грезят?!

– Да, о той.

– Ну, знаете… Не советовал бы заблуждаться на сей счет, – проговорил он, внимательно осматривая хорошо открывавшийся из дверного проема склон долины. – Но если вы истинный офицер, – тут же решил подсластить преподнесенную Розданову пилюлю, – то конечно же сумеете влиться в немецкое офицерское братство. Возможно, даже станете офицером войск «зеленых СС». В конце концов, вы служите в лучшей, дисциплинированнейшей и преданнейшей своей государственной идее армии. Вы не могли не понять этого. Ну а в случае победы, когда с большевиками будет покончено, вы тоже не будете забыты, поручик. Надеюсь, хоть что-нибудь да осталось в России от вашего бывшего имения?

– Вряд ли.

– Ничего, отстроите. Как офицеру, вам выделят гектар-другой земли.

– Меня не жадность ведет сюда, оберштурмфюрер…

– А ненависть.

– Точнее будет сказать – месть.

– Если вы ожидаете, что я начну распространяться по поводу того, что ненависть – плохая советчица, то зря. Ненависть – святое чувство, способное повести воина на любой подвиг. Но только воина. Если же она становится достоянием труса, – а такое случается довольно часто, – тогда это уже не подвиг, а гнусная месть.

Розданов промолчал, но Штубер и не требовал его ответа. Выйдя из их случайного укрытия, Штубер приблизился к жердям, которые служили воротами, и, налегая на верхнюю из них, какое-то время всматривался в поросший кустарником гребень склона. Он специально вышел сюда, чтобы привыкнуть к обстановке, привыкнуть к своей красноармейской форме, вжиться в роль красного командира. Он знал, как это трудно: покинуть укрытие в тот момент,

когда нужно предстать перед врагом, без «обживания местности», без уверенности в том, что ты готов встретиться с ним лицом к лицу, выдавая себя не за того, кто ты есть на самом деле.

– И каковы наши дальнейшие действия, оберштурмфюрер? – появился рядом с ним Розданов.

– Товарищ командир…

– Не понял.

– Пока мы в тылу у красных, обращаться ко мне только так, как принято у них.

– Так что же мы предпринимаем дальше, товарищ командир?

– Ждем, отдыхаем, проясняем ситуацию…

– Здесь, в этом сарае?

– Или в лучшем из домов ближайшего села. В общем-то задание мы выполнили. Теперь главное – дождаться наступления вермахта и румын, чтобы удачно «сдаться» своим. Кстати, о сдаче. Вам не приходило в голову, поручик, что как русский человек вы не на той стороне воюете?

– Если вы пытаетесь устроить мне проверку, то это бессмысленно, – подергал Розданов боковую опору ворот. Сейчас он напоминал хозяина, который, вернувшись из дальних странствий, выясняет, в каком состоянии находится его дворовое хозяйство. – Проверен десятки раз. И потом, в отличие от вас, оберштурмфюрер, простите великодушно… товарищ командир, у меня с красными свои, личные счеты.

– Вот оно что?! – ухмыльнулся Штубер, давая понять, что не воспринимает этот аргумент всерьез.

– И в этом смысле я намного надежнее и упорнее большинства ваших солдат, для которых сдаться в плен – означает спастись, отсидеться, пережить… Для меня плен – это позор и… расстрел.

– Успокойтесь, поручик, это не проверка. Просто я хочу уловить ход ваших мыслей; понять, как вы, русский, чувствуете себя, поднимая оружие на русских, стреляя в своих единокровных.

– Примеряетесь к психологии предателя на тот случай, если вам, германцу, придется стрелять в своих же, германцев?

– Видите ли, сударь, я, в некотором роде… психолог. – Розданов непонимающе покачал головой, мол, при чем здесь это? – Психолог войны, если хотите. Мне уже несколько раз приходилось консультировать по вопросам психологии противника высоких чинов из разведки и контрразведки. Имен не называю, не положено…

– То есть, по профессии вы психолог, а не военный, я верно все понимаю?

– Скорее, профессиональный военный, увлеченный психологией. А еще точнее, профессиональный психолог войны.

– Так вот, «психолог войны», вы должны были бы помнить, что рядом с вами не просто русский, а бывший белогвардейский офицер. А это значит, что он уже успел вдоволь навоеваться против своих же, русских, во время Гражданской войны; а главное, приучен к мысли, что существуют «русские свои» и «русские чужие». Так вот, армия, против которой я сейчас воюю, это армия «чужих русских», в борьбе с которой армия германцев воспринимается мною исключительно как армия союзников.

Штубер хотел что-то ответить, но запнулся на полуслове: он вдруг явственно услышал топот многих копыт и зычный голос командира.

«Неужели кавалерия?! – не поверил своему слуху оберштурмфюрер. – Не может быть! Впрочем, почему не может быть?»

Вместе с Роздановым они метнулись к углу огражденного подворья. А еще через минуту из села вырвалось до полусотни всадников на рослых, истинно кавалерийских конях. На полном аллюре они неслись мимо сарая в сторону Днестра, в сторону укрепрайона.

Впрочем, Штубера и Розданова не очень-то интересовало, куда именно направляется это конное подразделение. Поражал сам факт, что здесь вдруг появились кавалеристы, которые словно бы возникли откуда-то из другого времени, другой эпохи – эпохи Гражданской войны, материализуясь из воспоминаний бывшего белогвардейского поручика Розданова. Всадники рассыпались по луговой равнине и атакующей лавой устремились к лесу.

– Они что, там, в красных штабах, совсем обезумели?! – не удержался поручик, когда, не обращая внимания на стоявших у сарая красноармейцев, до полусотни всадников втянулось в лесную дорогу, уводящую за изгиб долины. – На крутых склонах Днестра хотят противопоставить германской авиации, артиллерии и танкам свою сабельно-карабинную кавалерию?

– Именно это красные и намереваются делать. Я вспомнил, что, согласно агентурным данным, доты будут прикрывать кавалерийские полуэскадроны[3 - Реальный исторический факт: на прикрытие дотов советское командование на этом участке укрепрайона бросило кавалерийские полуэскадроны.].

– Вы это серьезно?!

– Я никогда не принадлежал к людям, которых считают шутниками, поручик, тем более, когда речь идет о военной тактике врага.

– Представляю себе эту сцену: по крутым склонам Днестра, от дота к доту, с шашками наголо носятся лихие кавалеристы, представляя собой идеальные мишени для всех видов оружия противника, начиная от авиации и заканчивая шмайсерами и румынскими карабинами.

Словно подтверждая слова Розданова, со стороны реки появилось звено немецких самолетов. Заметив кавалерийский отряд, пилоты снизили свои машины и устроили своеобразную карусель, упражняясь в прицельном бомбометании и расстреле движущихся наземных целей из пулеметов. Причем оба офицера были удивлены, обнаружив, что за все то время, пока продолжался налет, в небе не появилось ни одного советского самолета, а земля не отозвалась ни одним выстрелом зенитки.

Проводя разворот над сараем, возле которого находились диверсанты, пилот одного из самолетов тоже прошелся по ним пулеметной очередью, да так, что

пули легли буквально в полуметре от Штубера, который в отличие от Розданова так и остался стоять.

– Что, оберштурмфюрер, уверены, что «своя» пуля не тронет? – несколько уязвленно поинтересовался Розданов, поднимаясь из зарослей лопухов.

– Просто привыкаю к обстрелу, к фронтовой обстановке, – спокойно объяснил Штубер, глядя вслед улетающему самолету.

– Как думаете, когда германские подразделения достигнут этой деревни?

– Как только сломают оборону Могилевско-Ямпольского укрепрайона. А сделать это не так-то просто. Во-первых, здесь мощные, скальные доты. Во-вторых, Советы все еще держат оборону на том, правом, берегу Днестра. Хотя вся остальная часть Молдавии уже под контролем вермахта и румын.

– Значит, я так понимаю, что вскоре, вместе с коммунистами, мы окажемся в котле.

– Не исключено. И тут уж нам, двум опытным диверсантам, будет где разгуляться.

«Увидим, как ты “разгуляешься”, когда действительно окажешься в двойном котле: своих и красных», – заметил про себя поручик, окидывая оберштурмфюрера уничтожающим взглядом.

6

…Подождав, пока Гейнхард Гейдрих и Вальтер Шелленберг усядутся друг против друга за приставной столик, Гиммлер еще несколько мгновений внимательно рассматривал их, стоя посреди огромного кабинета, и только потом уже занял свое место за массивным дубовым, покрытым черным бархатом столом, на левом конце которого красовался металлический, очень напоминающий пушечное ядро глобус.

Упершись худощавыми, смуглыми кистями рук в крышку стола, рейхсфюрер СС с силой оттолкнулся от нее, зацепился затылком за спинку кресла и, передернув поросшей короткими рыжеватыми усиками верхней губой, процедил:

– Только что у меня состоялась встреча с фюрером.

Гейдрих и Шелленберг переглянулись; теперь они понимали, почему идти на прием пришлось на день раньше. И только сейчас бригадефюрер по-настоящему оценил ту скупую похвалу, которой одарил его Гейдрих в приемной Гиммлера. Услышав о том, что Шелленберг все же успел подготовиться к докладу, он обронил:

– Вы значительно дальновиднее, Шелленберг, нежели я предполагал. Постарайтесь и впредь оставаться таким же, не полагаясь ни на чью иную интуицию, кроме своей собственной.

– Я внемлю этому мудрому совету.

Вот и сейчас, сидя у Гиммлера, шеф РСХА изобразил некое подобие ухмылки. Если бы рейхсфюрер СС заметил ее, она показалась бы ему слишком уж неуместной. Но Шелленберг знал, кому она предназначалась, и воспринял ее как намек на извинения.

– Во время беседы с фюрером у нас возникло немало вопросов, которые необходимо обсудить с вами, Гейдрих. А вас, Шелленберг, – сразу же разъяснил ситуацию рейхсфюрер СС Гиммлер, – я пригласил потому, что по крайней мере два из них касаются непосредственно вашего управления, а значит, и лично вас.

– Понимаю, господин рейсхфюрер.

Гиммлер выдержал многозначительную паузу, словно трагик, настраивающийся на «монолог перед казнью», и продолжал:

– О том, что фюрер намерен начать войну против России, вам уже известно.

Хотя Гиммлер все еще продолжал расстреливать их своими свинцовыми стеклами, Шелленберг воздержался от реакции на его слова, предпочитая

дождаться, когда ответит шеф РСХА. И тот ответил так, как и должен был отвечать чиновник от разведки:

– Всего лишь в очень общих чертах. Без дат, направлений основных ударов и прочих деталей.

И в ответе этом прозвучало и предупреждение: ничего лишнего, чего знать им не положено, они не знают, и откровенная провокация, с расчетом на то, что Гиммлер наконец-то посвятит их в те детали предстоящей кампании, которые им, как генералам службы имперской безопасности, все же надлежит знать. Хотя бы во имя имперской безопасности.

– Что ж, – прекрасно понял его рейхсфюрер, – кое-какой информацией я могу поделиться с вами уже сейчас. Хотя, как вы понимаете… Еще совсем недавно наша пропаганда умиротворяла германцев всевозможными размышлениями о благах, которые принес нашему народу советско-германский «Договор о ненападении»[4 - Речь идет о «Договоре о ненападении», подписанном 23 августа 1939 года в Москве председателем Совнаркома и народным комиссаром иностранных дел СССР Молотовым, с одной стороны, и министром иностранных дел Германии фон Риббентропом – с другой, и больше известном как «пакт Молотова – Риббентропа». Еще и в 80-е годы коммунистическая пропаганда всячески скрывала от населения СССР, что к этому договору имелся «Секретный дополнительный протокол», доказывающий существование сговора между коммунистами и фашистами по поводу передела Европы.]. Само собой понятно, что теперь мы не можем объявить войну коммунистам, не подготовив свое население и армию к этому акту; я имею в виду подготовку пропагандистскую, не объяснив германскому народу, почему мы вынуждены, нет, крайне вынуждены, в силу самих сложившихся обстоятельств, нарушить этот договор и начать боевые действия. Вам это понятно, Гейдрих.

– Да, рейхсфюрер, – угрюмо произнес начальник Главного управления имперской безопасности. И угрюмость эта была настолько необъяснимой и пессимистической, что Гиммлер на какое-то мгновение запнулся, не зная, как ее следует воспринимать. Именно поэтому он искоса взглянул на Шелленберга.

– Это и в самом деле требует пропагандистского разъяснения, господин рейхсфюрер СС, – с готовностью отозвался сотрудник управления шпионажа и диверсий РСХА, полагая, что таким образом он приходит на помощь своему от природы угрюмому шефу. – Тем более что этот договор имел секретный

дополнительный протокол, о котором советская пропаганда до сих пор молчала, но который она может активно эксплуатировать во время пропагандистской войны.

– Вот именно, «пропагандистской войны». То, что мы обсуждали сегодня с фюрером, больше всего касалось именно ведения пропагандистской войны, – ухватился Гиммлер за подаренный Шелленбергом термин. – Причем наше пропагандистское наступление должно быть направлено одновременно и на германский и на советский народы. Разумеется, о последнем речь пойдет тогда, когда появятся первые оккупиров… то есть я хотел сказать – освобожденные от коммунистов районы, – тотчас же уточнил Гиммлер, вспомнив об основополагающем принципе всякой пропаганды: быть предельно точным в вынужденной лжи и предельно лживым в вынужденной правде. А пока что фюрер мудро решил, что о начале русской кампании он должен возвестить германский народ и весь мир своим особым воззванием к германскому народу, выраженному в яркой, убедительной речи в духе фюрера и Третьего рейха.

«Неужели они с фюрером решили, что это «Воззвание» должен подготовить я?! – вдруг похолодело в груди Шелленберга, до которого только теперь дошло, зачем его собственно пригласили. – Но почему я? Ведь существует же Геббельс со всей его камарильей, всей пропагандистской и журналистской братией. Так какого дьявола?!»

– Высказывая эту идею, фюрер обратился к опыту начала войны на Западном фронте. А тогда, как вы помните, к воззванию были приложены лаконичные, но очень емкие сообщения Верховного командования вермахта. Теперь сообщений не будет, но будут факты, уверяющие, что в данном случае наша армия готова к победному маршу на Восток и что без этого натиска на Восток дальнейшая история Рейха немыслима; и будут сообщения министерства иностранных дел, предельно ясно доказывающие, что и сами русские уже готовы к броску на территорию Рейха и что наша главная военная цель – упредить нападение коммунистов на его священные границы. Не мешало бы также использовать в этом воззвании и столь же лаконичное, но емкое сообщение министерства внутренних дел, которое убеждало бы нас, с одной стороны, в единстве германского народа, его вере в фюрера и сплоченности вокруг него, а с другой стороны, в том, что к моменту нападения на нас Красной армии в Германии поднимут головы ее самые страшные враги – коммунисты и прочие жидомасоны, к деятельности которых германские власти до сих пор были предельно терпимы. Предельно… – подчеркнул Гиммлер, – многотерпимы. И когда я напомнил об

этом фюреру, он высказал пожелание, чтобы в воззвании было использовано и мое сообщение как шефа германской полиции[5 - В историю Второй мировой Гиммлер вошел прежде всего как рейхсфюрер (то есть маршал, главнокомандующий) войск СС. Значительно меньше широкой читательской публике известно, что с июля 1936 года и до конца войны он был еще и начальником всей германской полиции. А до этого назначения в течение нескольких лет служил начальником полиции Баварии.].

«То есть Гиммлер свое участие в подготовке «Воззвания» определил, – уяснил для себя Шелленберг. – Осталось выяснить, кто будет основным сочинителем воззвания. Хотя… Даже если он поручит это Гейдриху, тот все равно свалит сию работенку на меня. Но тогда я останусь еще и безвестным исполнителем этого приказа. Так что лучше уж пусть…»

– Подчеркиваю: все эти документы должны быть предельно убедительными и такими же… пропагандистски выразительными. И в этих материалах, и в самом «Воззвании» обязательно должны прозвучать тревога и решительность по поводу подрывной деятельности на территории Рейха Коммунистического интернационала, так называемого Коминтерна, – произнес Гиммлер именно так, как обычно произносили это слово дикторы советского радио. – Германцы должны осознать, что никто из них не сможет отсидеться в своем доме, не ощутив на себе воздействия коммунистической заразы, ибо уже сейчас она у каждого нашего порога.

Когда после этих слов он, наконец, остановил свой блуждающий взгляд на Гейдрихе, тот поневоле напрягся и его собственный взгляд напоминал взгляд загипнотизированного удавом кролика. И это Гейдрих, которого в рядах национал-социалистов давно именуют «человеком с железным сердцем». Тем более что ни для кого не было секретом, насколько близкими стали в последние дни отношения Гиммлера и Гейдриха.

Они и в самом деле оставались близкими, но все же психологически Гейдрих проигрывал Гиммлеру. И если в начале общего пути они поднимались к вершинам власти рейха, врастали в его корни и крону, как союзники и соратники, то уже в сороковом году у Гейдриха начали проявляться все признаки и симптомы психологии подчиненного, помощника и, что имело принципиальное значение, «человека на вторых ролях». Как в театре, когда у актера, который, убедительно заявив себя в амплуа характерного героя и актера, способного потянуть любую заглавную роль, вдруг постепенно начала

развиваться психология «актера второго плана», а то и «актера массовки».

Словно бы вычитав мысли Шелленберга, рейхсфюрер СС вдруг резко перевел взгляд на него.

– Я понимаю, Вальтер, что вы не волшебник и что у вас нет опыта создания подобных «воззваний», вообще подобного рода значимых документов, – произнес он, давая понять, что давно, с самого начала их встречи, Шелленберг должен был уяснить для себя, почему он здесь и кому будет отведена роль жертвенного агнца. – Как понимаю и то, что сутки, которые отведены всем нам для сотворения этого судьбоносного документа, срок убийственный. Но попытайтесь сделать все возможное. Группенфюрер Гейдрих проследит за тем, чтобы вас обеспечили всеми необходимыми документами, причем сделали это сегодня же, в кратчайшие сроки. Так что не теряйте времени.

– Приступаю немедленно, – кротко ответил Шелленберг, содрогаясь от одной мысли, что буквально через несколько минут ему придется предстать перед чистым листом бумаги, на котором нужно будет начертать: «Воззвание к германскому народу». При этом никто не смог бы убедить его сейчас, что когда-нибудь в его голове появятся слова, достаточные для того, чтобы фюрер, вооружившись ими, мог предстать перед всем миром в образе человека, развязывающего новую мировую войну.

– Кстати, – не дал ему опомниться Гиммлер, – в ходе обсуждения этого вопроса фюрер пожелал, чтобы в «своем воззвании» он коснулся порядком всем нам поднадоевшего дела этого румына Хории Симы[6 - Гитлер и в самом деле обсуждал этот вопрос с Гиммлером накануне своего выступления с «Воззванием к германскому народу».].

Услышав имя руководителя румынской фашистской организации «Железная гвардия», Гейдрих непроизвольно ударил ладонями по столу, почти у самых рук Шелленберга, и, откинувшись на спинку кресла, тотчас же повернулся вполоборота к Гиммлеру. Они все трое знали – как знал это и сам фюрер, – что все, что касается Хории Симы, самым непосредственным образом касается и лично его, Гейдриха, его профессиональных качеств, его карьеры, его государственного и политического реноме. Еще в прошлом году Гиммлер, Гейдрих и, что особенно важно, сам Гитлер были единодушны во мнении о том, что румынский диктатор маршал Антонеску – «не совсем тот человек», которого Германии хотелось бы видеть во главе союзной Румынии, когда речь пойдет о

совместном выступлении против Советского Союза. В роли маршала, в роли главнокомандующего румынскими войсками – еще куда ни шло. Но только не в ипостаси главы государства.

Никто не мог усомниться, что у Румынии нет более подготовленного военачальника, как и в том, что Антонеску, несомненно, поддержит вступление Германии в войну против коммунистов. Но при любом раскладе политических сил и при любом исходе войны Антонеску так и останется всего лишь диктатором и румынским националистом, грезившим созданием Великой Румынии, от Дуная – до Крыма, а возможно, и предгорий Кавказа. Но в Берлине этого казалось мало. В его апартаментах считали, что сейчас «Великой Румынии» нужен еще и свой «великий дуче». И желательно не в настолько аляповатой копии, насколько он воспроизведен в образе его итальянского «оригинала».

– Вы, Гейдрих, понимаете, что всякое упоминание о руководителе «Железной гвардии» в таком документе, как воззвание, только усилит неприязнь Антонеску к Германии и лично к фюреру, – и в голосе Гиммлера впервые проявилась такая жестокость, которая сразу же определяла: «В этом вопросе я вам, господа из РСХА, не защитник. И к фюреру в виде просителя – не ходок».

– Что совершенно естественно, – так же жестко ответил «человек с железным сердцем».

– Но для нас это слишком опасно, поскольку неминуемо всплывет идиотская история с провалом путча «железногвардейцев» против Антонеску и бегство Хории Симы в Германию.

– Сейчас упоминание этого имени – крайне нежелательно, – почти прорычал Гейдрих, не понимая, как вообще «дело» Хории Симы могло возникнуть при решении такого вопроса, как появление «Воззвания к германскому народу». Почему Гиммлер допустил его появление и почему сразу же не разубедил фюрера в намерении извлекать на свет политический этот частный и давно неактуальный случай?

– Так должен ли я буду отговорить фюрера, отсоветовать ему прибегать к этому демаршу, или же пусть он совершает его? – неожиданно спросил Гиммлер, окончательно загнав этим обоих своих собеседников в логический тупик.

Гейдрих был поражен двурушничеством Гиммлера. И это он, рейхсфюрер СС, прямо замешанный в деле Симы, смеет выяснять у него, Гейдриха, стоит ли ему отговаривать фюрера?! Как будто у него есть выбор! Как будто он имеет право допустить, чтобы все, начиная от людей, которые будут готовить материалы для Шелленберга, бросились копаться в этой корзине с протухшим румынским политическим бельем. Еще раз открывая для себя всю бездарность не только руководства «Железной гвардии», но и руководства СС, руководства Главного управления имперской безопасности.

7

Из полученных им в штабе объяснений, Громов знал, что дот командира батальона майора Шелуденко находится во второй полосе укрепрайона и искать его следует в полутора километрах от села Подольская Каменица. Однако сейчас, после нападения германских десантников, эти объяснения уже мало помогали. Отправляясь в путь, он полностью полагался на водителя мотоцикла, и теперь отчаянно шел напрямик, каменистыми отрогами небольшой возвышенности, смутно представляя себе, в каком именно направлении он должен двигаться, и беззаботно радуясь тому, что сумел в этой стычке выжить.

Вырвавшееся из-за холмистой гряды звено германских самолетов прошло так низко, что на какое-то мгновение лейтенанту показалось, будто вся тройка самолетов пикирует на него. Но устало бредший по склону долины одинокий солдат совершенно не привлекал внимания пилотов. Натужно содрогая моторами воздух и землю, они провели свои могучие машины между скалистыми холмами по ту сторону низины и исчезли в поднебесной дымке. Но как только гул их моторов растворился в заоблачной дали, с запада, из-за Днестра, стало доноситься нечто похожее на приглушенные расстоянием раскаты грома. И лейтенанту не нужно было гадать, что это на самом деле: увертюра приближающейся грозы или залпы орудий. И чьих именно – уже не имело значения. Важно, что раскаты эти раздавались значительно ближе, нежели были слышны еще сегодняшним утром.

Пройдя по кремнистому склону примерно полкилометра, Громов за изгибом гряды вдруг увидел старую полузаброшенную каменоломню, посреди которой, под каменистым карнизом выступа, притаились домик смотрителя карьера и

длинное строение, напоминающее то ли мастерскую, то ли склад. Громов понял, что каменоломня находится на окраине села, поскольку в проломе оголенного каменистого хребта отчетливо просматривались дымоходы крестьянских хат. Ему не верилось, что война может дотянуться и до этого укромного уголка, поэтому сразу же ощутил себя успокоенным и защищенным.

Еще издали Громов увидел выставленные у стены мастерской огромные каменные кресты, надгробные плиты и погребальные стелы и понял, что в этом ущелье, сотворенном не столько природой, сколько многими поколениями камнетесов, как бы сходятся на полпути к подземному царству два мира – живых и мертвых.

Тропа проходила мимо каменоломни, однако Громову захотелось заглянуть в этот уголок, соприкоснуться с тем мрачным видом искусства, где зарождались все эти фигурные, с вычурной резьбой кресты, стелы и надгробные камни. Это был мир, с которым ему никогда раньше не доводилось встречаться и который всегда таил в себе некую, почти неземную, тайну.

Но как только он свернул с обходной тропы на ту, что вела в глубь каньона, прозвучал выстрел и, ударив о скальный выступ буквально у локтя лейтенанта, пуля рикошетом пронеслась у самого его затылка.

Громов мгновенно присел, но следующая пуля вонзилась в тропу чуть выше того места, где он присел.

«Стрелок хренов, – хватило у лейтенанта мужества оценить меткость стрельбы того, кто хладнокровно расстреливал его, засев в мастерской, и понял, что рисковать все же нельзя. Поняв, что при подъеме наверх он вновь предстанет перед стрелком как на ладони, Громов метнулся по тропе вниз, к двум валунам, между которыми зеленел куст шиповника, и успел заметить, что третья пуля проредила этот куст за мгновение до того, как он успел достичь ближайшего валуна.

Больше выстрелов не последовало, зато Громов увидел по ту сторону мастерской три мужские фигуры. Один из убегавших – приземистый, черноволосый мужик в плаще, полы которого, казалось, волочились по земле, был вооружен винтовкой. Остановившись, он вскинул ружье, однако выстрела не последовало. По тому, как он нервно дергал затвор, Громов определил, что у

него заклинило патрон. Единственным укрытием его могла стать подвода-одноконка, однако до нее еще нужно было добежать. Воспользовавшись заминкой, Громов большими прыжками понесся в сторону мастерской, под защиту ее стены. И, лишь на мгновение остановившись, длинной густой очередью из шмайсера скосил стрелка. Оба его сообщника все это время поднимались по тропе и вскоре достигли вершины перевала, за которым оказались недосягаемыми. О том, чтобы преследовать их, не могло быть и речи.

– Эй, вы! – закричал Громов изо всей мощи своих легких. – Вы почему стреляли в меня?!

И был удивлен, когда увидел, что один из убегавших остановился у наклоненного над крутым склоном каньона ствола сосны. Очевидно, у него уже не было сил дальше бежать, и то, что красноармеец не стрелял, а спрашивал, позволяло ему хоть немного перевести дух.

– Чтобы убить! – по-русски и достаточно нагло ответил он, прислонившись к стволу.

– Тогда кто вы такие?!

– Мы – те, кто всегда ненавидели красных. И кто будет вешать вас, жидокоммунистов, за каждого загнанного вами в сибирские концлагеря русского человека. Пусть только войдут сюда немцы!

– Вон как?! – искренне удивился Громов. – Оказывается, здесь, в тылу, уже готовятся к встрече германцев! А я-то думал, что все, как один… На борьбу за Отечество.

– Не сметь рассуждать об Отечестве! – огрызнулся беглец. – Вы это Отечество предали и продали жидобольшевикам и масонам. Об одном жалею: мало мы вас тогда, в Гражданскую!..

Убедившись, что беглец не вооружен, Громов подступил еще на несколько шагов, стараясь приблизиться к склону. Белогвардеец – очевидно, из бывших офицеров – тоже видел, как Громов демонстративно закинул автомат за плечо, а посему из ненависти к этому, невесть откуда появившемуся красноармейскому командиру уходить не стал.

– И много вас здесь таких? – спросил его лейтенант.

– Подожди полчаса и увидишь еще человек десять. А завтра появится целый отряд.

Поняв, что он случайно оказался на месте сбора белогвардейского подполья Подольска и окрестных деревень, Громов не стал испытывать судьбу и решил удалиться. Задержал его голос беглеца: низкий, сипловатый, принадлежащий человеку, которому конечно же было далеко за пятьдесят.

– Прежде чем уходить, загляни все же в мастерскую, коммунист! Там одна стерва, которая когда-то следователем НКВД была и многих из нас отправляла под расстрел. Теперь в деревне решила спрятаться, потому что даже своих же, энкаведистов, боялась.

Толкнув ногой приоткрытую дверь, Громов осторожно, опасаясь засады, заглянул внутрь. Прямо напротив двери, при проникающем из двух больших окон свете, Андрей увидел буквально растерзанное, окровавленное тело той самой чекистки, о которой только что сообщил ему белогвардеец. Она была распята на большом каменном кресте, нижняя часть которого покоилась на огромной гранитной плите, служившей мастеру-камнетесу станком, а верхняя – полого опускалась на пол. На женщине все еще оставались остатки изорванного, окровавленного платья, а ноги ее были широко расставлены и привязаны к концам крестовины. Даже запах крови не мог перебить запаха сексуальной похоти, который эта несчастная женщина сейчас источала. Привязав чекистку к кресту, все трое насиловали ее прямо на распятии, а затем, очевидно, заметив приближающегося солдата и решив, что он не один, искромсали ее ножами.

Пытаясь выяснить, жива ли она, Громов склонился над ее лицом. Женщина пришла в себя и четко, хотя и едва слышно, произнесла:

– Двести десять.

– Что… «двести десять»? – не понял Громов. Женщине тоже было под пятьдесят, у нее оказались короткие, крашенные, с седыми корнями, волосы, а черты лица все еще сохраняли следы некоего аристократизма.

– В лагеря отправила… двести десять, – с трудом ответила она на тот вопрос, ответ на который добивались от нее насильники. Уже не понимая, кто над ней склонился, чекистка решила исповедаться перед ним этой страшной цифрой – «двести десять». А немного передохнув, объяснила: – В лагеря, без права…

«Без права переписки, – понял Громов, – то есть на расстрел». О том, что значило «без права переписки» в приговорах коммунистических «троек», Андрей узнал от отца, который и сам в течение нескольких лет ждал, что его вот-вот арестуют, как арестовали тысячи других генералов и офицеров Красной армии.

Коммунистка хотела сказать еще что-то, но не смогла. Тем не менее лейтенант увидел, как на лице ее, уже переплавляясь в посмертную маску, вырисовывалась садистская ухмылка следователя-иезуитки. И осознал, что не ощущает никакого сочувствия к этой женщине. И даже снимать ее с распятия не стал.

Выйдя из мастерской, Громов лишь мельком взглянул на вершину склона и, отвязав от коновязи бричку-одноконку, погнал ее к выезду из каньона, стараясь как можно скорее выбраться из этого странного и страшного, осененного безбожническим крес-том и столь же безбожным распятием полуобезумевшего мира.

8

Землисто-серый купол дота предстал посреди изломанного молодого ельника, словно уродливый нарост на давнишней, окаменевшей ране земли, и трудно было поверить, что под ним возможно существование чего-либо живого. Вот почему боец, внезапно вынырнувший из окопчика, прикрывающего вход в этот склеп, действительно возник перед ним так, будто выполз из-под могильной плиты.

– К нам, товарищ лейтенант?

– Не «к нам», а «стой, кто идет? Пароль!» Вояки чертовы!

– Стой, кто идет? – решил исправиться часовой.

– Поздно, рядовой, уже пришел.

– А все-таки… пароль.

– Вот так и дрессируй вас на свою голову. Пароль – «Сокол». Где комендант?

– Тутычки.

– «Тутычки»? Божественно! Называется, подготовили-мобилизовали!..

– …Это да, согласен: наглеют, сволочи, наглеют… – довольно невозмутимо признал командир отдельного батальона и он же комендант отдельного участка укрепрайона майор Шелуденко, выслушав короткий доклад лейтенанта. И тот понял, что стычки с диверсантами и вражескими разведчиками для майора уже не в новинку.

– Нужно срочно создать истребительные отряды.

– Какими силами? Разве что вывести и погубить гарнизоны дотов, чтобы потом без боя сдать весь участок укрепрайона?

– Но ведь должны же были создать истребительные роты из местных добровольцев.

– И наверняка создали. Вот только где они теперь – эти «истребительные роты»? Немцы потому и наглеют, что в некоторых местах, севернее и южнее Подольска, наши войска уже отходят на левый берег. А значит, два-три дня и… – Он прочел содержащийся в пакете приказ и, отодвинув планшет мотоциклиста подальше от себя, несколько минут сидел с закрытыми глазами, словно уснул.

– Вам надо бы отдохнуть.

– А кто возражает? Давай-ка выйдем из этого бетонного короба, – медленно приходил в себя майор. – Успеем еще, насидимся. Честно говоря, я тебя, лейтенант, очень ждал.

– То есть, вас уже предупредили?

– Связь пока действует. Примешь основной дот, 120?й, он у нас «Беркутом» значится. Расположен почти напротив моего оборонного узла, то есть в центре, узловой он у нас. Так что на тебя и надежда. Особенно в первые часы, особенно в первые, понимаешь? Пока наши гарнизоны пообстреляются да приноровятся к действиям в окружении.

– Считаете, что наши войска уйдут, оставив нас в окружении?

– А у них не будет выбора. Когда встанет вопрос: «Кого обрекать на окружение – всю группу войск или гарнизоны дотов?», конечно же пожертвуют гарнизонами. Такие доты создаются для тех, кто обязан сковывать врага, сражаясь в окружении. Для смертников они, лейтенант, для смертников…

Майору было за сорок. Худощавый, длинные, бочкообразно изогнутые ноги, жесткие седоватые волосы и жесткий взгляд усталых молочно-серых глаз…

Хотя особой выправки у Шелуденко вроде бы и не замечалось, однако манера поведения и привычка говорить резким приказным тоном сразу же выдавали в нем кадрового офицера. Для Громова это было важно. Несколько последних месяцев ему пришлось читать лекции для офицеров, призванных из запаса, и у него выработалось довольно стойкое предубеждение против этих «партизан-запасников». Конечно, среди них тоже случались, по гражданским представлениям, люди довольно толковые и даже смыслящие в военном деле, но получать приказы Андрей все же предпочитал от кадрового офицера.

– С обстановкой в укрепрайоне штабисты тебя, конечно, знакомили? – спросил майор, первым выходя из мрачного сыроватого подземелья.

– Не до меня там сейчас. Выслушали рапорт, проверили документы – и сразу сюда. Раз ты специалист по дотам – сам на месте и разбирайся.

– Но ты действительно… специалист, – неожиданно усомнился майор, – или так себе? Попал в «дотчики» – потому что приказали?

– Вообще-то война проверит. Но определенная подготовка имеется.

– Вот и по телефону сказали, что с системой укрепрайонов ты вроде бы знаком. Потому и интересуюсь: знаком или нет?

– Да вроде бы… Сначала в училище натаскивали, потом командировали в группу офицеров, которых готовили к обязанностям комендантов дотов.

– Во как! А вот у меня такой подготовки не было.

– Ну и два месяца командовал одним из дотов Брестского укрепрайона. Теперь вот нас, нескольких комендантов, перебросили из резерва сюда, для укрепления командного состава. Конечно, надо было бы сделать это чуть пораньше…

– Вот именно, – мрачно согласился майор. – Раньше бы. Я специальной выучки не получил, но в свое время командовал одним из дотов севернее Ленинграда. Потом, после финской войны, отлежал свое по госпиталям и вот, сюда. Тактика обороны укрепрайонов – это ведь целая наука. Да и к доту нужно привыкнуть, гарнизон «обкатать». Даже некоторые офицеры боятся этих дотов, как медвежьей западни. Им открытую местность подавай, окопы, маневр… И чтобы небо над головой, как минимум – небо. А когда ты в доте, а вокруг, даже у тебя над головой, – враги, это уже совсем иная война. Тут закалка и психика должны быть, как у подводников.

Они прошли через линию опоясывающих штабной дот окопов, которые обживались немолодыми уже новобранцами из окрестных сел; по едва приметной тропинке пробились через густой ельник и вскоре оказались у невысокой потрескавшейся скалы. И тут вдруг открылось, что майор и сам был одним из тех, кто предпочитал колпаку дота небо над головой и маневр. Не зря же здесь, у скалы, он успел оборудовать, устлав ее листьями и еловыми лапками, небольшую лежанку, на которой, возможно, и ночевал. Впрочем, местечко действительно славное: воздух удивительно сухой, насыщенный запахом сосны; кроме того, ни с одной стороны эта «позиция» не просматривалась, а для обороны была вполне пригодной. Даже гул боя по ту сторону реки казался здесь намного отдаленнее, чем на самом деле.

– Там у меня, – кивнул майор, – за ельником, вторая линия дотов, правда, не таких мощных, как по берегу Днестра, но держаться можно. А на скале – гнезда для двух пулеметов. Ты же видел мой дот: два орудия, три пулемета… На первый взгляд, сила, но все как бы по фронту. А тыл-то мертвый. Только со

скалы его и можно прикрыть.

– Да, на бои в окружении этот дот явно не рассчитан, – согласился Громов, усаживаясь рядом с ним на палатку и прислоняясь спиной к теплому телу скалы.

– Остальные, к сожалению, тоже, – добродушно добавил Шелуденко после небольшой паузы, ухмыльнувшись какой-то особой, только ему присущей ухмылкой. – Однако рассуждать-осуждать уже поздно. Раньше надо было думать, когда строили. А теперь говорить об этом – только бойцов расхолаживать. Какой смысл?

– Но бойцов с нами нет, – напомнил Громов, пытаясь поддержать в нем дух откровения. Любая информация о дотах и укрепрайоне в целом казалась ему сейчас неоценимой.

Шелуденко понял, что лейтенант во что бы то ни стало пытается спровоцировать на откровенность, и с какой-то тоскливой грустью осмотрел его, давая понять, что с ним, командиром участка укрепрайона, такие игры не проходят.

«А ведь он мне не доверяет, – сделал для себя вывод Громов. – Хотя с какой это стати он обязан доверять мне?»

– Извините, товарищ майор, – лучшее, что он мог сделать сейчас, так это признать свою оплошность. – Просто слишком мало времени для общения, а узнать о районе хочется как можно больше, мне ведь даже карты участка не показали, сослались на секретность и на то, что по тылам нашим шастают немецкие диверсанты.

– В чем вы сразу же и убедились, – проворчал Шелуденко.

9

Резиденция начальника службы СД группы войск «Центр» штандартенфюрера СС Арнольда Гредера должна была располагаться в одном из небольших

старинных особняков Днестровска, в двух кварталах от средневековой крепости, даже в эти военные дни мирно грезившей над излучиной спокойного, медлительного в этих местах Днестра.

По ту сторону реки еще продолжались бои с небольшими группами противника, оказавшимися в окружении, но участь этих самоубийц уже была решена. Последние части красных еще только завершали переправу через Днестр южнее и севернее городка и окапывались на том берегу или сразу же уходили дальше, в сторону Подольской гряды, а команда квартирмейстеров службы безопасности СС уже облюбовала этот, построенный по образцу старинной помещичьей усадьбы двухэтажный особняк – с облупленными колоннами у входа, большим балконом и двумя флигельными постройками, образующими внутренний дворик, предварительно изгнав из него квартирмейстеров штаба какой-то румынской дивизии.

– Никаких румынских штабов по эту сторону Днестра! – жестко отреагировал Гредер на телефонный доклад своего квартирмейстера Нодэля. – С кличем: «Алла! Алла!» – на левый берег, добывать для Антонеску великую Транснистрию.

– Простите, штандартенфюрер, насколько я знаю, румыны идут в бой с другим кличем, и потом…

– Они сотни лет были под игом турок и других воинственных кличей просто не знают. Поэтому приказываю: гнать их из этого особняка, гауптштурмфюрер! А если заупрямятся, гнать из города, из всех окрестных сел, из Бессарабии. Румын? Значит, гнать!

Гауптштурмфюрер уже начал понемногу привыкать к «диким монологам», как он их именовал, своего влиятельного шефа, и только это спасало его от опрометчивой спешки в выполнении подобных приказов. При этом Гредера нельзя было назвать самодуром. Вернее, иллюзия о его самодурстве развеивалась сразу же, как только появившийся в орбите его влияния офицер начинал понимать, что устраивает эти свои «дикие монологи» штандартенфюрер не из самодурства и даже не из маниакального стремления казаться влиятельнее и грознее, чем он есть на самом деле… Просто он, человек, который терпеть не мог театра и актеров и который за всю свою сорокапятилетнюю жизнь едва ли раза три там побывал, привык подобным образом самовыражаться. То есть, в случае с Гредером тезис «вся жизнь – игра» приобрел некое особое звучание и воплощение; он действительно всю свою

жизнь играл, возможно даже не подозревая, что играет, причем делает это великолепно, естественно, не впадая ни в театральщину, ни в пошлую любительщину.

«Предаваясь своим диким монологам», Гредер мог, талантливо импровизируя, разыграть кого угодно: неисправимого садиста, устрашающего добродетеля, непобедимого полководца, избалованного философа-аристократа… Кто-то мог улавливать в этих его экзальтациях легкое пародирование дуче Муссолини; кто-то с ужасом находил в его выходках отзвуки программных речей фюрера, но при этом мало кто решался комментировать поведение этого «самого страшного человека» группы войск, лично знакомого с начальником полиции безопасности и службы безопасности Эрнстом Кальтенбруннером, с Борманом и даже с фюрером.

Впрочем, самая большая опасность для подчиненных Гредера заключалась не в том, чтобы не выдать своего возмущения или восхищения его «дикими монологами», а в том, чтобы не впасть в эйфорию от одного из таких монологов и не пытаться воплотить в жизнь одну из его театрально-бредовых идей, или выполнить один из его абсурдных приказов-рассуждений.

Приземистый, немыслимо широкоплечий, с красновато-серым (цвета пережженного кирпича) лицом закоренелого гипертоника и короткими, по-монгольски кривыми, словно всю жизнь просидел на глобусе, ногами, Гредер имел привычку представать перед своими подчиненными, воинственно набычившись, обеими руками держась за широкий, специально для него пошитый, почти бандажный ремень, чтобы, пренебрегая какими-либо вступлениями, раскручивать один из многих своих «диких монологов». И поскольку лишь искушенные знали, что у штандартенфюрера СС Гредера есть кодовые слова: «Ибо приказ вам известен», то своими фантазиями шеф СД группы армий не раз ставил в идиотское положение и подчиненных, и самого себя.

А секрет заключался в том, что из всего потока, который Гредер выплескивал, изощряясь в красноречии, выполнению, да и вообще, вниманию подлежала только та сентенция или то прямое указание, которые завершались словами: «Ибо приказ вам известен». Использование им слова «приказ» в любом ином словосочетании или контексте просто не принималось во внимание.

– Говорят, где-то там, рядом, должна находиться древняя крепость. Это так?

– Она рядом, – ответил гауптштурмфюрер Нодэль. – Небольшая, но действительно древняя.

– Тогда почему мы с вами располагаемся в этом вашем особняке, а не в крепости? Только потому, что из нее не нужно было изгонять путающихся под ногами румынских штабистов? Но вы же знаете, как я отношусь к крепостям!

– Вы им поклоняетесь.

– Вот именно. Мне приятно, что вам хоть что-то известно о своем командире. Так почему мы не в крепости?

– На ее территории нет ни одного подходящего строения. И вообще, это обычная восточная крепость, а не укрепленный замок в виде приятных взору европейца бургов[7 - Бург – укрепленный замок. То есть замок, обнесенный крепостной стеной. Вокруг подобных бургов часто вырастали поселения, в которых селились рыцари, воины из охраны бурга, крестьяне и мастеровой люд. По традиции, эти поселения, впоследствии превращавшиеся в города, носили в своем названии слово «бург»: Страсбург, Люксембург, Питсбург… – Примеч. автора.].

– То есть, вы хотите сказать, что замка на территории этой крепости нет?

– Его нет, господин штандартенфюрер!

– И вы так спокойно сообщаете мне об этом, Нодэль.

– А что прикажете делать, господин штандартенфюрер?

– Что я прикажу делать?! Разнести стены крепости и построить из камня нормальный приличный замок, черт возьми, – вот что я прикажу делать. Что вы там возитесь с какими-то хижинами?

Нодэль замялся. Должность и обязанности квартирмейстера он считал позорными для себя и готов был принять под свое командование любое отделение СД на оккупированной территории, или даже роту «Ваффен СС», только бы не заниматься этими бесконечными переездами и не выслушивать по три раза на день «дикие монологи» штандартенфюрера СС Гредера.

– Оно бы, конечно, неплохо… – наконец нашелся он с ответом. И тотчас же услышал:

– Через два часа я буду в этом вашем, гм-гм…

– Днестровске, – подсказал Нодэль.

– Вот именно. Но что касается вас, Нодэль, то вы должны думать не о том, где именно я буду через два часа, а о том, что, где бы я через эти самые два часа ни оказался, – там все должно быть готовым к моему переезду. Ибо приказ вам известен.

– Чтобы все было готово в крепости? – все же решил подстраховаться квартирмейстер.

– В Кремле, Нодэль, в Кремле!

– Я вас понял. Через час резиденция в Днестровске будет готова.

– Ибо приказ вам известен, Нодэль!

В каком бы тоне Гредер ни общался со своими собеседниками, он никогда не злился и уж тем более – не выходил из себя. Конечно, приказной командирский баритон – это у него из офицерской школы, но штандартенфюрер никогда особо не налегал на него. Иное дело, что многих вводил в заблуждение цвет его лица. Но лишь немногие знали, что на самом деле это не «печать гипертоника», а печать… пожара и взрыва на гигантском дирижабле «Гинденбург» в мае 1937 года, в американском аэропорту Лейкхерст.

Именно с дирижаблем «Гинденбург» были связаны – причем не только в переносном, но и в прямом смысле – взлет и падение Гредера. Именно благодаря личному причастию к созданию «Гинденбурга», его, тогда еще гауптштурмфюрера, представили Герингу и фюреру. А после гибели «Гинденбурга» он чуть было не попал под суд. «Чуть было…» Это теперь он может говорить «чуть было…», а тогда обвинений в его адрес сыпалось столько, что их вполне хватило бы не только для разжалования до эсэсманна[8 -

Эсэсманн – рядовой войск СС.], или даже изгнания из рядов СС, но и для того, чтобы повесить на арке Бранденбургских ворот. Но когда предание Гредера суду уже было делом решенным, его вдруг пригласил к себе Гитлер.

Узнав об этом вызове (Гредер должен был явиться на прием на следующий день), главный конструктор дирижабля Гуго Экнер, который и сам опасался за свою жизнь, попытался успокоить его: «По крайней мере поговоришь с самим фюрером. Ради этого тебе стоило собственноручно взорвать не только “Гинденбург”, но и весь воздушный флот Германии».

Фюрер под страхом смерти запретил Гредеру разглашать то, о чем они вели тогда, в мае 1937 года, беседу в его восточно-прусской ставке. Но назад, в Берлин, Гредер вернулся уже в чине штурмбаннфюрера СС и в должности начальника специальной службы СД, которая долгое время занималась расследованием причин таинственной гибели самого большого и самого оснащенного за всю историю воздухоплавания дирижабля, которая самим фюрером названа была тогда «секретной раной Третьего рейха».

10

Арнольд Гредер уже собирался покинуть свое временное пристанище в какой-то бессарабской деревне, в десяти километрах от Днестровска, когда в его кабинете вдруг появился адъютант Курт Шушнинг со срочной шифрограммой от Кальтенбруннера.

– Да, но вы получили ее еще час назад, унтерштурмфюрер! – вскинул брови Гредер. Он всегда обращал внимание на время поступления подобных шифрограмм. – Почему же я вижу ее у себя на столе только сейчас?

– Смею заметить, господин штандартенфюрер, – педантично уточнил Шушнинг, – что там указано время принятия радиограммы нашим радистом.

– А вы конечно же долго размышляли: «Брать ее у радиста или не стоит?»

– Я узнал о ней немедленно, однако она была зашифрована.

– Да что вы говорите?! – артистично изумился Гредер. – Кто бы мог предположить, что начальник Главного управления имперской безопасности[9 - Немецкое название «Рейхзихерхайтсхауптамт». Создано в сентябре 1939 года. – Примеч. автора.]решится потревожить вас своей шифровкой?! И вообще, предположить, что все радиограммы из Главного управления имперской безопасности приходят только шифрованными.

– Вы уже приказали шифровальному отделу готовиться к переезду. И мне не сразу удалось найти шифровальщика Зоннера.

– Но у нас есть еще два шифровальщика.

– Радиограмма была закодирована по системе «Циклоп», у которой есть два «ключа». Первый «ключ» у Зоннера, второй – у вас, штандартенфюрер.

– Ах вот как, «Циклоп»?! – поумерил свой пыл Гредер. – Так какого дьявола вы сразу же не сказали, что это радиограмма по системе «Циклопа»? Я-то вижу, что здесь какая-то ахинея.

– Потому что это текст после расшифровки первым ключ-кодом. Смысл, в сути своей, дурацкий, позволю себе заметить, – вежливо склонился в поклоне сухопарый с длинной гусиной шеей Шушнинг. – Но за ним что-то скрывается, и докопаться до глубинного смысла его сможете только вы. Зоннер, как я уже сказал, владеет лишь первым кодом этого шифра.

– Так где вы его обнаружили?

– Шифровку?

– Зоннера, черт возьми!

Шушнинг замялся.

– Собственно, он прощался с одной местной дамой.

– Пока я ждал радиограммы. Надеюсь, вы его уже повесили?

– Никак нет.

– Жаль дамы? Даму-то вы, надеюсь, уже вздернули?!

Адъютант вновь замер в едва уловимом поклоне. На самом деле это был не поклон. Так, наклонясь с высоты своего почти двухметрового страусиного роста, Шушнинг ждал кодовой фразы штандартенфюрера: «Ибо приказ вам известен». Если она прозвучит, ему в самом деле придется попросить местное отделение гестапо, чтобы его люди занялись этой смуглолицей румынкой, кстати, весьма смахивающей на цыганку.

Но, вместо этой «приговорной» фразы, неожиданно прозвучала другая:

– Что вы топчетесь у меня перед глазами, унтерштурмфюрер? Убирайтесь вон! Пока я буду заниматься здесь расшифровкой этого «папируса», находитесь в приемной, рядом с часовым, будьте готовым к любому развитию событий.

– Яволь. Выйти, ждать и… быть готовым.

Поднявшись из-за стола, Гредер открыл массивный сейф и извлек оттуда пакет с ключ-кодом номер два шифра «Циклоп». Даже если бы кто-то из этих двоих – Зоннер или Шушнинг – оказались предателями, они ничего не смогли бы сказать определенного по этой шифровке, поскольку Зоннер расшифровывал ее после цифрового кодирования, превращая его в кодирование словесное, прочтя которое, непосвященный в лучшем случае узнал бы о сходе снежной лавины в Альпах, или о метеоусловиях в Гренландии. И лишь пройдя через повторную стадию расшифровки, можно было добраться до истинного смысла этого послания.

Вернувшись за стол, Гредер открыл словарик «код-ключа», но в это время ожил телефонный аппарат. Звонили из Абвера, от генерал-майора Роттена.

– Интересующее вас подразделение, – слегка грассировал приятный командирский баритон на том конце провода, – вступит в соприкосновение с врагом в зоне действия Подольского укрепрайона.

– А что, разве укрепрайон все еще сопротивляется?! – искренне изумился Гредер.

– Отдельные его части все еще сражаются на правом берегу Днестра. Сам укрепрайон, доты которого находятся на левобережье, судя по всему, будет сдерживать наше наступление, даже находясь в полном окружении, – терпеливо объяснял арийский баритон, основательно подпорченный полуфранцузским-полуеврейским грассированием. Как докладывает разведка, гарнизоны дотов к отходу не готовятся. Хотя севернее и южнее этого укрепрайона наши части…

– Наши доблестные части, – прервал его Гредер, делая ударение на слово «доблестные». – А вот чем занимается возлюбленная королевская рать Антонеску – это вопрос.

– Простите… – педантично запнулся баритон, фамилии этого представившегося ему подполковника абвера Гредер просто не запомнил.

– Так поднимайте же эту орду, подполковник, – начал раскручивать свой очередной «дикий монолог» штандартенфюрер СС, – поднимайте! Насколько я помню, это непобедимое воинство одичавших римлян стремится добыть себе Транснистрию. Так объясните им, подполковник, что она находится по ту сторону реки. Поведите их туда, подполковник, укажите им путь, они нуждаются в вас, как в Моисее! Когда-нибудь потомки транснистрорумын будут молиться на ваши гранитные лики: «Вот он, – будут объяснять внукам своим, – новозаветный Моисей, приведший нас в Транснистрию! Поклонимся же ему…» Что вы умолкли, Моисей?

– Подполковник Курт фон Брюнинг, господин штандартенфюрер, – холодно напомнил ему абверовец, не собираясь перевоплощаться в иудейского Моисея, сам намек на отдаленное родство с которым был теперь крайне опасным. Даже для Шикльгрубера-Гитлера.

– Так действуйте же, действуйте, – проигнорировал его дворянскую гордыню Гредер. – Сорок отведенных вам дней уходят, наш абвер-Моисей! – Положив трубку, штандартенфюрер еще несколько мгновений смотрел на нее, словно бы медиумически пытаясь проникнуть в словесную суть того, что говорит и думает по ту сторону провода некий подполковник. «Абвер-Моисей!» – самодовольно повел подбородком Гредер. Сейчас он напоминал актера, сорвавшего своим монологом бурю оваций и уже за кулисами пытающегося понять, в связи с чем и по какому поводу сей фурор. – «Не понимаю, чем этот подполковник недоволен? Почти библейская слава…»

11

Гейдрих и в самом деле был поражен поведением рейхсфюрера СС. Гиммлер пытался вести себя так, словно лично он к организации заговора «Железной гвардии» против правительства Антонеску, а равно, как и к его позорному провалу, никакого отношения не имеет. И теперь он позволяет себе у него, Гейдриха, выяснять, стоит ли ему отговаривать фюрера от упоминания о деле Хории Симы в «Воззвании к германскому народу»! Словно не понимает, что именно сейчас фюрер будет крайне заинтересован в том, чтобы Антонеску стал надежным союзником Германии. Потому что Румыния – это сотни километров сопредельной с Советами территории, на которой могут разместиться наступающие германские войска. Потому что Румыния – это сотни тысяч пусть и не самых боеспособных в Европе, тем не менее – дополнительных штыков, которые фюрер может нацелить на Одессу и Крым, высвободив свои собственные части для удара на Минск, Москву и Ленинград. А самое главное – что это пока единственный солидный источник горючего, столь необходимого для механизированных армад Германии, для ее авиации.

– Фюрер конечно же, – чеканя каждый слог, произнес Гейдрих, – ни при каких обстоятельствах не должен упоминать в своем воззвании к народу даже имени Хории Симы. Какой в этом смысл? Пощекотать нервы Антонеску? Напомнить румынскому диктатору, что в любое время мы можем поднять против него остатки разгромленной «Железной гвардии», которая, по нашим последним и достоверным сведениям, подняться для серьезного мятежа уже не готова? Перед всем миром выставить Антонеску и его правительство как недружественных нам и ненадежных, на которые мы не можем положиться? Но в таком случае мы должны идти до конца, возвысить короля Румынии и заставить Антонеску уйти в отставку, или же вообще убрать его. И это в то время, когда сам Антонеску готов простить нам заговор против него, ради более важной цели – возврата Румынии земель между Прутом и Бугом, «исконно – как он считает – румынских земель»! А ведь это воззвание должно быть нацелено против русских. Так чем фюрер собирается навредить русским, раздувая дело о неудавшемся путче против Антонеску?

И Гиммлер, и даже Шелленберг ощутили, что Гейдрих слегка зарывается. То – что и как – он сейчас говорил, звучало слишком резко; фюрер такой реакции не одобрил бы. Зато Шелленберг наконец-то увидел того, не признающего вождей

и авторитетов Гейдриха-нигилиста, которого сотворила чиновничья молва. Рейхсфюрер СС и шеф РСХА пристально взглянули друг на друга и, поняв, что их диалог зашел в тупик, перевели взгляд на Шелленберга, надеясь дождаться его третейского решения или хотя бы услышать мнение начальника управления разведки РСХА.

В данной ситуации Шелленберг оказался в самом выгодном положении, ибо к провалу в 1940 году заговора против Антонеску никакого отношения он не имел. Зато успел основательно познакомиться со всеми тонкостями этого заговора германских спецслужб и его последствий. Сразу же после провала заговора, Антонеску сумел арестовать Хориа Симу и всех основных его исполнителей. Кроме тех, кто до этой волны арестов просто не дожил.

Антонеску уже готов был вздернуть Хориа Симу на столбе напротив своего кабинета. Но мог и не торопиться с казнью, а заставить вождя железно-гвардейцев раскрыть все те нити, которые вели к заговорщикам в Берлин. И тогда Германия предстала бы перед миром как страна, не уважающая своих союзников. Тем более что Антонеску раздражало сближение Германии и России. Понятно, что он знал об условности советско-германского «Договора о ненападении» и что фюрер не собирается долго опираться на эти договоренности. Но знал и то, что у «Договора о ненападении» имеется «секретный дополнительный протокол», определяющий сферы влияния коммунистической и фашистской империй. И если бы он касался лишь раздела Польши, с окончательным и не подлежащим обжалованию приговором, вынесенным этой стране Сталиным и Молотовым, в котором утверждалось, что такого государства больше не существует и что «воссоздание его в каких-либо границах возможно только путем дружеского согласия»… Но там был Третий пункт, навязанный Германии Россией, а значит, выигранный коммунистами. И вот этот-то пункт прямо касался основ румынской государственности и румынской национальной гордости. Ибо в нем говорилось: «Касательно Юго-Восточной Европы, Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях».

То есть, Германия демонстративно самоустранялась от влияния на процессы, связанные с Бессарабией, по существу отдавая эти «исконно румынские территории» на откуп коммунистам.

И вот сейчас, выдержав вопросительные взгляды Гиммлера и Гейдриха, Шелленберг, до сих пор чувствовавший себя как ефрейтор на генеральском совете, заговорил:

– В данный момент фюрер рассматривает Румынию как своего самого идеального союзника на южном фланге. Начиная кампанию против России, он конечно же рассчитывает на политическую волю Антонеску и на решимость румынского народа вернуть себе захваченные русскими национальные территории. Фюрер помнит, что, по настоянию руководства Главного Управления имперской безопасности, высшее руководство Германии вынуждено было вступиться за неудачливого заговорщика и попросить Антонеску сохранить ему жизнь. – Произнося это, Шелленберг заметил, как не только Гейдрих, но и Гиммлер стыдливо отвели взгляды.

Шелленберг конечно же мог бы и не акцентировать внимание на этом их провале. Но, с другой стороны, они ведь сами захотели услышать мнение своего подчиненного, да к тому же будущего автора текста «Воззвания фюрера к германскому народу». И, чтобы основательно изложить свою точку зрения, бригадефюрер просто обязан был коснуться некоторых неприятных моментов этой скандальной истории.

– Да, это так, – проскрипел зубами Гейдрих. – И нам еще повезло, что этого болвана из «Железной гвардии» удалось вырвать из рук румынской сигуранцы.

– Однако, передавая нам Симу, – не стал щадить его Шелленберг, – маршал Антонеску заявил, что делает это в знак примирения, чтобы показать, что в дальнейшем рассчитывает на полное доверие и поддержку со стороны германского руководства.

– Но при этом он знал, что сам акт передачи заговорщика Германии, – проворчал Гейдрих, – является демонстративным жестом, указывающим на то, кто именно, какая страна и какая политическая сила стоит за подготовкой этого заговора. Мы сами выдали себя – вот почему маршал выдал нам Симу, превратив сам акт передачи в акт самоутверждения[10 - Известно, что на этом история со скрывавшимся в Германии Хорией Симой не завершилась. В конце 1942 года Симе тайком от гестапо и СД удалось бежать в Италию. Причем побег этот был осуществлен так, что какое-то время гестапо даже не знало об его исчезновении, а узнав об этом, не могло установить, где именно он скрывается и каким каналом воспользовался. Пребывая в полном неведении, шеф гестапо

Мюллер в течение двух недель, в буквальном смысле рискуя головой, скрывал от фюрера и других руководителей рейха сам факт исчезновения главного румынского заговорщика.].

– Можно истолковывать и так, – неохотно признал Гиммлер.

– И только так, – нахраписто подтвердил Гейд-рих. – Он ткнул всех нас мордами в дерьмо… прошу прощения, рейхсфюрер. Но именно так, в дерьмо… мордами. И все верно рассчитал. Фюрер был крайне недоволен нашими действиями. Его буквально взбесило то, что мы не сумели довести до успешного конца столь, казалось бы, успешно подготовленный заговор.

Шелленберг про себя ухмыльнулся, превратив при этом свое собственное лицо в преисполненную скорби погребальную маску. Он-то прекрасно знал, что непосредственными виновниками этого провала фюрер считал конкретных людей – Гиммлера и Гейдриха. Или, наоборот, Гейдриха и Гиммлера. Что, собственно, особого значения не имело. И не решился отстранить их от должностей только потому, что не время было портить отношения с двумя самыми влиятельными людьми Германии, за которыми стояла своя собственная «железная гвардия» в виде СС и Главного управления имперской безопасности.

– Возвращаясь к «делу Хориа Симы» в своем «Воззвании к народу», – неожиданно повело Шелленберга, – фюрер желает еще раз, причем официально, на высшем политическом и государственном уровне, убедить Антонеску, что подобные действия против его правительства не повторятся. Уверен, что Гитлер не просто хочет ликвидировать это черное пятно в наших отношениях с Румынией, но и попытается преподнести дело Хории Симы, как интригу русских, удачно замаскированную под операцию германских сил безопасности.

– Что-что? – просветлело лицо Гейдриха. – Что вы, Шелленберг, только что сказали? Что фюрер попытается изобличить в неудавшемся перевороте в Бухаресте русских?

– А ведь до сих пор мы даже не пытались преподнести истоки этой истории в виде умелого заговора русских, действовавших совместно с румынским коммунистическим подпольем и подло использовавших некоторых представителей «Железной гвардии».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Формально исполняющим обязанности начальника Шес-того управления Шелленберг был назначен уже на следующий день – 22 июня 1941 года.

2

Оберштурмфюрер СС – чин, приравненный к армейскому (вермахтовскому) обер-лейтенанту.

3

Реальный исторический факт: на прикрытие дотов советское командование на этом участке укрепрайона бросило кавалерийские полуэскадроны.

4

Речь идет о «Договоре о ненападении», подписанном 23 августа 1939 года в Москве председателем Совнаркома и народным комиссаром иностранных дел СССР Молотовым, с одной стороны, и министром иностранных дел Германии фон Риббентропом – с другой, и больше известном как «пакт Молотова – Риббентропа». Еще и в 80-е годы коммунистическая пропаганда всячески скрывала от населения СССР, что к этому договору имелся «Секретный дополнительный протокол», доказывающий существование сговора между коммунистами и фашистами по поводу передела Европы.

5

В историю Второй мировой Гиммлер вошел прежде всего как рейхсфюрер (то есть маршал, главнокомандующий) войск СС. Значительно меньше широкой читательской публике известно, что с июля 1936 года и до конца войны он был еще и начальником всей германской полиции. А до этого назначения в течение нескольких лет служил начальником полиции Баварии.

6

Гитлер и в самом деле обсуждал этот вопрос с Гиммлером накануне своего выступления с «Воззванием к германскому народу».

7

Бург – укрепленный замок. То есть замок, обнесенный крепостной стеной. Вокруг подобных бургов часто вырастали поселения, в которых селились рыцари, воины из охраны бурга, крестьяне и мастеровой люд. По традиции, эти поселения, впоследствии превращавшиеся в города, носили в своем названии слово «бург»: Страсбург, Люксембург, Питсбург… – Примеч. автора.

8

Эсэсманн – рядовой войск СС.

9

Немецкое название «Рейхзихерхайтсхауптамт». Создано в сентябре 1939 года. – Примеч. автора.

10

Известно, что на этом история со скрывавшимся в Германии Хорией Симой не завершилась. В конце 1942 года Симе тайком от гестапо и СД удалось бежать в Италию. Причем побег этот был осуществлен так, что какое-то время гестапо даже не знало об его исчезновении, а узнав об этом, не могло установить, где именно он скрывается и каким каналом воспользовался. Пребывая в полном неведении, шеф гестапо Мюллер в течение двух недель, в буквальном смысле рискуя головой, скрывал от фюрера и других руководителей рейха сам факт исчезновения главного румынского заговорщика.

Купить: https://tellnovel.com/sushinskiy_bogdan/reka-ubiennyh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити